

Мастер клинков. Клинок заточен

Автор:

Дмитрий Распопов

Мастер клинков. Клинок заточен

Дмитрий Викторович Распопов

Мастер клинков #4Новый фантастический боевик (Эксмо)

Инквизиция или потерять всё? Смерть или найти похищенную жену? Что страшнее – старые враги или новые? Что сильнее – легендарное оружие или сотворённое? На все эти вопросы придётся ответить герою нового романа цикла «Мастер клинков» Максиму Кузнецову, более известному в новом мире под именем виконта Максимильяна...

Дмитрий Распопов

Мастер клинков. Клинок заточен

Пролог

– М-а-а-кс!! – Женщина отчаянно билась в лапах гигантского металлического голема, который утаскивал её в синеву портала, а я, стиснув зубы, отбивался от ещё двоих таких же монстров, причём моё копье оставляло лишь царапины на их блестящих, железных телах.

– Греми Реллинг! – Когда голем с моей женой подошёл к portalу ещё ближе на два шага, я плюнул на всё и пустил в ход последнее, что имел в запасе. Ранее я боялся применить молнию, чтобы не задеть Никки, сочетание электричества и

металла, из которого были сделаны неизвестные мне големы, могло навредить жене.

Молния ударила в правого от меня монстра и лишь на мгновение его замедлила, голем на несколько секунд перестал меня атаковать, но как только оцепенение у него прошло, набросился на меня с прежней скоростью. Удары, сыпавшиеся на меня слева и справа, заставляли отступать к двери, вместо того чтобы идти вперёд и помочь жене.

– Грими Реллинг! – Читая словно мантру, я несколько раз ударял молниями в големов, но никакого эффекта, кроме замедления, они на них не оказали, тем временем их собрат с моей женой и ещё не рождённым ребёнком скрылся в портале, а её умоляющие крики, которые разрывали мне сердце, тут же оборвались, как только они исчезли в мерцающей синеве.

Мои противники, грубое подобие людей, только без глаз, носа, рта, ушей и прочих человеческих черт, просто слепленные из металла болванки, обладающие руками и ногами, сразу же перестали меня атаковать и дружно отступили. Я бросился за ними, пытаюсь попасть в портал, но они и этого мне не позволили, легко отбиваясь от моего копья, по очереди вошли в портал, и за последним он тут же схлопнулся, оставив меня одного в разгромленной спальне.

Я стоял и не мог осознать, что миг назад лишился жены и будущего ребёнка, причём не зная: кто их забрал, зачем и что мне делать теперь.

– Макс! – Дверь за моей спиной хлопнула, и в комнату ворвались гвардейцы.

Повернувшись, я встретился с обеспокоенным взглядом Дарина, державшего секиру в своих золотых протезах, недавно выменянных у магов. Искра подозрения тут же мелькнула у меня в голове о причастности к похищению тех, кто мог иметь доступ к неизвестным мне технологиям.

– Что случилось?! Где Никки?! – Гномы уставились на дымящуюся мебель и полностью разрушенную комнату, в которой не осталось ничего целого: когда я дрался с големами, мне было не до того, чтобы смотреть, куда бить или отпрыгивать.

– Её похитили, – ответил я, сглатывая комок в горле и тяжело опускаясь на пол. Бесплезное оружие отбросил от себя, словно вина его в том, что не смогло защитить от чужого вторжения.

Дарин подошёл и опустился рядом.

– Кто это был? Почему ты не смог отбить?

– Железные големы, – я механически отвечал на его вопросы, а в голове прокручивал различные варианты, кто конкретно мог быть в этом замешан, явно маги, ведь никто и никогда не упоминал о таких монстрах, да и я не представлял себе, что подобное можно оживить с технической точки зрения.

– Смотрите! – мнущиеся возле входа гномы, не смевшие зайти внутрь, обеспокоенно окликнули нас.

Я поднял голову и увидел на месте, где был недавно портал, призрачную фигуру пожилого человека в долгополой рясе и странном тюрбане на голове.

– Человечишка, внемли голосу Совета магов. – Призрак ткнул в меня сухим пальцем и продолжил: – Отныне ты каждый месяц будешь отдавать нам по пять бутылочек каменной смолы. Место и время те же, что ты использовал недавно.

– В случае непослушания, страдать будет она. – Рядом с призраком появились очертания кричащей Никки.

Я поднялся с пола и исподлобья посмотрел на старого хрыча.

– Может быть, вы вернёте её, и я стану отдавать вам смолу просто в качестве дани?

Старикашка рассмеялся, его смех был похож на собачье тьяканье.

– Червь, ты осмеливаешься ставить условия нам?! Знай своё место!! Мы озвучиваем правила – ты их выполняешь, иначе твоей женщине не поздоровится, поверь, у нас есть тысячи способов заставить людей страдать.

– Я не успею набрать столько смолы за такой короткий срок. – Я решил потянуть время. – Она находится слишком глубоко, каждый месяц я смогу добывать не больше двух бутылочек.

– Это твои проблемы, человечиска. – Маг, а я уже точно знал, кто стоит за похищением, лишь криво усмехнулся. – До встречи.

Сразу после этих слов его призрак или голограмма, я точно не знал, исчез, оставив меня в ещё большем смятении, чем до своего появления.

– Макс, что мы будем делать? – рядом раздался беспокойный голос Дарина.

От свалившегося несчастья и потери Никки у меня словно стержень выдернули из позвоночника, я упал на пол и схватился за голову.

«Вот чем закончились твои заигрывания с магами!» – укорял я себя и качался из стороны в сторону.

– Макс! – Тяжёлая рука легла мне на плечо. – Макс, прекрати!

Голос друга раздавался словно издали, но с каждым разом всё громче пробиваясь ко мне в подсознание.

– Макс, что будем делать?! – повторил он.

Последняя его фраза вернула меня в действительность. Взгляд стал осмысленным, в голове словно пронёсся ледяной ветер, выдув оттуда всю жалость к себе и бесполезное смятение.

Встав на ноги, я повернулся к Дарину и спокойно произнёс:

– Делать буду я, и только я.

На его лице возникло изумление.

– Но что ты предпримешь? Кто её похитил?

– Маги, кто ещё. – Я спокойно посмотрел на него. – Плохая была идея связываться с ними. Если бы я не показал им тогда, что имею смолу, ничего этого бы не случилось. Так что придётся мне самому и разбираться с этим.

– Но Макс...

– Дарин, – я взмахом руки прервал его речь, – я знаю единственную в этом мире организацию, что когда-то противостояла магам, и с ними ты точно не захочешь встречаться ещё раз, после того что они с тобой сделали.

– Ты что, поедешь в Шамор?! – воскликнул он, а гномы охраны удивлённо переглянулись, они прекрасно знали, что церковь давно вынесла мне запрет на посещение земель короля Нумеда III.

– Да. – Я оглядывался по сторонам, в поисках одежды, ведь нападение произошло ночью, и кроме трусов, на мне сейчас ничего не было.

– Ты что, хочешь отправиться прямо сейчас?! – Дарин схватил меня за руку, и я ощутил холод его протеза.

– Нет, конечно. – Я нашёл свои вещи и стал одеваться. – Для начала мне нужно спуститься вниз и договориться с кобольдами. Пусть они добывают больше смолы и относят её раз в месяц к телепорту.

– Думаешь, маги не догадаются, что это не ты её туда приносишь? – обеспокоенно спросил друг.

– Старикашка ни слова не сказал о том, чтобы я доставлял её туда лично. – Я мягко освободил руку от хватки друга. – Он только обозначил срок, количество и место. Так что, если маги будут чем-то недовольны, пусть присылают своих призраков к порогу инквизиции.

– Ты хочешь встретиться с графом! – догадался Дарин.

– Да, пока это единственный вменяемый инквизитор и паладин, с которым мне доводилось встречаться, так что пойду просить его о помощи.

– Я не был уверен в том, что он решится на это, из-за тех напряжённостей, что сложились у меня с церковью, но выбора не было. Насколько я знал, только паладины смогли остановить магов в последней из войн, и поскольку моё легендарное оружие оказалось бессильно против роботов, созданных магами, то мне точно не помешали бы знания, как паладины смогли противостоять им.

– Макс, может, всё же передумаешь? Я поеду с тобой? – Мой старый друг явно не хотел отпускать меня одного. Ведь никого, кроме него, из старой гвардии со мной рядом не осталось, почти все разъехались кто куда, получив большие награды за победу в революции. Даже колхоз сейчас управлялся без моего участия, лишь изредка Косел присылал отчёты о состоянии дел – теперь он возглавлял правление колхоза, и чаще всего решения они принимали самостоятельно.

– Дарин, – я посмотрел на морщинистое и такое родное лицо, подошёл к гному и обнял, – я лишился Никки из-за своих амбиций и заигрываний с магами, так что не прощу себе, если ещё пострадаешь и ты, поэтому ты остаёшься, к тому же мне нужен здесь тот, кто присмотрит за всем, пока меня не будет.

– Хорошо. – Он отвернулся, чтобы я не видел его глаз, и махнул золотой рукой. – Я соберу завтра ЦК партии, расскажу и объясню всё.

– Спасибо, друг. – Я оглянулся на копьё, думая, брать его с собой или нет.

Против големов оно оказалось бессильно, а дразнить им инквизиторов не стоит. Граф при каждой встрече со мной так смотрел на моё легендарное оружие, словно ощущал что-то, исходящее от него.

– Пожалуй, оставлю здесь. – Я отстегнул и лечащий кинжал с пояса.

Гном покачал головой, но не проронил ни слова, он тоже помнил отношение церкви к подобным предметам.

– Придётся мне сковать себе новое оружие, так что задержусь немного внизу. – Я сказал это, чтобы Дарин знал, где я, если задержусь у кобольдов.

– Хорошо, будем тебя ждать, – кивнул он, – подыщу пока тебе лошадь и припасы.

– Спасибо, друг!

Я не мог больше оставаться здесь, поскольку тело и сознание гнали меня вперёд, чем быстрее я смогу закончить со всеми приготовлениями, тем быстрее смогу выехать и найти графа. При этом я старательно гнал от себя мысли, что будет, если паладины откажутся мне помогать. Я надеялся на то, что и сам мог кое-что им предложить, да и, в конце концов, они ведь не очень-то любят магов! Не зря даже само это слово было в королевстве под запретом!

Так, успокаивая себя, я шёл по коридорам, в сопровождении охраны, которой становилось всё больше, поскольку, несмотря на столь позднее время, слухи о нападении с быстротой молнии разнеслись по дворцу. На вопросы знакомых я не отвечал, просто отмахивался. Завтра Дарин всех соберёт и всё расскажет, мне же хотелось как можно быстрее выехать на поиски ответа на вопрос, как победить магов. Ведь я ничего не знал о них до недавнего времени: на что они способны, пределы их возможностей. А этой ночью выяснилось, что я не готов к противостоянию с ними, так что теперь мне нужна была информация. Второй раз наступать на те же грабли я не собирался.

Спуск вниз не занял у меня много времени, так что уже в полдень следующего дня я стоял у алхимического стола, а позади меня копошились кобольды, которые понадобились мне для анализа металлов. Да, я снова решил подсесть на грибы, чтобы выковать новое оружие. Причиной этого было то, что я не собирался брать с собой легендарное, поскольку его легко могли у меня отнять в инквизиции, ведь я шёл к ним на поклон, так что для дальнейшей борьбы мне нужно было просто хорошее обычное оружие. К тому же я не хотел задерживаться в подземельях, тревога за жену и ребёнка постоянно всплывала у меня в сердце. Никаких долгих исследований и новых технологий – расщеплю с помощью алхимического стола металлы на составляющие, затем смешаю их в нужной пропорции и выкую себе копье, пару кинжалов и наконечник для арбалетных болтов из химически чистых материалов. Как будут маги обращаться с Никки, в каких условиях её станут содержать, я не знал, так что успокаивал себя, думая, что пока я для них важен, с ней и ребёнком всё будет в порядке.

Проситель

– Прошу вас, господин. – Стражник принял плату за проезд в город и с достоинством посторонился, пропуская меня. Я молча кивнул ему и тронул поводья.

Который раз я въезжал в эти ворота, но только сейчас мне бросилась в глаза ужасающая разница между тем, что я построил у гномов, и тем, что столица людей за прошедшее десятилетие не очень изменилась. Да, исчезли деревянные дома, да, появились ливнёвки по краю дороги, да, было видно, что город находится на пике своего развития, но люди нисколько не изменились за это время. Та же одежда, повадки, общий уровень тотальной бедности. Если сравнить самого бедного гнома в моей стране и самого бедного здесь, обнаружится громадная разница.

«Может быть, всё объясняется малочисленностью моего народа? – Я задумчиво смотрел по сторонам и не мог не сравнивать то, что видел вокруг себя. – Хотя нужно отметить, что Нумедия стала намного красивее и богаче с моего последнего посещения».

Я направил лошадь в район богачей, туда, где находился дом единственного знакомого мне паладина. Я помнил о том, что посещение Шамора мне запрещено из-за событий, которые я устроил у гномов, и моей внешней политики, но выбора у меня не было. Дарин сильно упирался, говоря о том, что незачем ехать к людям, можно просто собрать отряд, вооружённый легендарным оружием, и попробовать самим пробиться к магам, вот только проблема заключалась в том, что во время ночного нападения я увидел, как неэффективно это оружие. Толк от того, что мы будем палить в волшебных существ всем отрядом, возможно, и был бы, но проверять это, теряя своих друзей, я не хотел. Поэтому, обняв напоследок Дарина, поправил новое вооружение, которое отковал из химически чистых металлов, и надев такую же новую двухслойную броню, её мне сделали гномы, я направился в путь...

Дом графа сильно изменился за время моего отсутствия: вырос на пару этажей, появились пристройки, да и в целом вид его стал намного respectable. Я остановился возле ворот и поискал взглядом колокольчик или ещё что-то, с помощью чего можно было позвать слуг, но этого не потребовалось. Бесшумно рядом с основными воротами открылась калитка, и появился сторож, одетый в

ливрею с гербом графа на груди.

– Добрый день, господин, – вежливо обратился он ко мне, – хозяина нет дома.

– Когда он будет? – поинтересовался я, кидая ему серебряную монету. Он поймал её в полёте и едва уловимым движением отправил себе в карман. Зато тональность голоса стала ещё более вежливой и приветливой.

– Только вечером, господин, но вы можете оставить ему сообщение, я передам.

– Хорошо, буду у него вечером. – Я повернул лошадь в сторону дома Валенсы, не хотел сообщать ему новость о пропаже падчерицы до встречи с графом Стольским, но выбора не было, тем более он должен узнать о том, что случилось, одним из первых.

Проехав по знакомому маршруту, я с удивлением выяснил, что герцог продал дом и теперь живёт в другом районе, ближе к дворцу.

«Странно, – подумал я, кидая взгляд на знакомый мне дом, который принадлежал сейчас другому человеку, – не помню я, чтобы там было много места, где он сможет разместить большой дом».

При подъезде к воротам, которые вместе со стеной отделяли богатый район от того, где стоял дворец короля и дома приближённых к нему сановников, меня дважды останавливали гвардейцы, интересуясь, кто я и куда еду. Приходилось отвечать, поскольку это была не городская стража, а гвардия короля, где в офицерах служили такие же знатные люди, как мой покровитель, и портить с ними отношения совершенно не стоило. Услышав имя Валенсы, они показывали мне направление и вежливо уступали дорогу, правда, у самих ворот допрос повторился, но зато теперь я точно знал, где мне искать дом герцога.

Едва я выехал на огромную, мощённую камнем дорогу, как понимание того, куда идут деньги королевства, сразу же исчезло. Если Нумедия в остальных своих районах лишь стала чуть наряднее, стройнее и не такой грязной, как была ранее, то дворцовый район преобразился полностью. Я помнил, как здесь в своё время теснились дома чиновников и дворян, оставляя слишком мало места для приусадебных пристроек и сада, теперь же всего этого хаоса не стало. Я минут пять ехал мимо лишь одного поместья, а забор всё не кончался и не кончался,

так что стали понятны слова гвардейца, поначалу показавшиеся мне бессмысленными. Он сказал:

– Дворец герцога третий слева.

Видимо, все многочисленные постройки снесли, а их владельцев переселили в район за стеной, поскольку придворцовая территория изменилась до неузнаваемости. Осталось всего четыре гигантских имения герцогов, выкупивших всё и теперь единолично обитающих рядом с королём. Причём не просто имения, а дворцы, пусть и размерами немного меньше того, что высился впереди и дальше по дороге. Обилие фонтанов, деревьев, цветов, а также людей, которые прогуливались по дорожкам имений, ввело меня в смущение. Кругом царила роскошь, и лишь я один был тут белой вороной на своей пропылённой лошади, в броне и грязном плаще.

«Вот уже и внимание стали обращать на меня». Я заметил, что из-за ограды стайки молодых девушек с восторгом стали на меня поглядывать, а присматривающие за ними старые служанки, наоборот, неодобрительно косились и искали взглядами гвардейцев.

Улица была относительно пуста, редкие кареты проезжали по направлению к дворцу, а всадников не видно было и вовсе, так что я с каждой минутой чувствовал себя все более неуютно, являясь слишком заметной фигурой.

«Наконец-то!» – Я со вздохом облегчения увидел цвета герцога на башенках ворот третьего имения и чуть ускорил лошадь, чтобы не торчать у всех на виду.

– Виконт?! – с изумлением узнал меня один из охранников, стоявших у ворот, точнее, глава охраны, судя по жёлтой перевязи меча, которой он был подпоясан. Я его не помнил, поэтому обратился нейтрально.

– Герцог дома?

– Да, виконт. – Он кивнул товарищам, которые удивлённо смотрели на нас, и те бросились открывать ворота. – Вы один? Без сопровождения?

– Один. – Я был немногословен. Предстоящий разговор с герцогом наверняка станет нелегким.

Передав поводья лошади слугам, я пошёл за главой охраны в дом.

– Клаус, – обратился он к осанистому старику, который следил за уборкой огромного обеденного зала, – гость к герцогу.

Я склонил голову, узнав его, хотя годы брали своё.

– Виконт Максимилиан. – Клаус подслеповато прищурился, разглядывая меня. – Вы с Никки?

– Проведите меня к его светлости, – чуть грубовато прервал я его и бросил взгляд по сторонам. Если прошлый дом говорил о своём хозяине, что тот сказочно богат, то этот несомненно добавил ещё и убеждённости в его величии. Всё было построено монументально и основательно, потолок изукрашен картинами сражений, а огромные полотна на стенах показывали эпизоды из жизни самого Валенсы, его семьи и предков.

Клаус кивнул кому-то из слуг, но затем передумал и сам пошёл впереди, сутулясь и чуть волоча правую ногу.

– Виконт Максимилиан к его светлости. – Когда я окончательно запутался в переходах и лестницах, не представляя, как пойду назад, мы пришли на место, где перед дверью в комнату стояли два гвардейца. Старик сам открыл дверь и назвал меня, охранники тут же посторонились, позволяя пройти, хотя быстрый взгляд, который они бросили на мой меч и кинжал, я про себя отметил.

– Максимилиан?! – Валенса, сидевший за огромным дубовым столом, поднялся и, прерывая заседание, в котором участвовали с десятков других аристократов, пошёл мне навстречу.

– Ваша светлость, – я не стал опускаться на колени, но низко склонил голову и поцеловал протянутую мне руку, – сожалею, что помешал, но у меня срочное дело.

– Господа, прервёмся на обед. – Герцог тут же повернулся к людям, которые удивлённо меня разглядывали. – Клаус проводит вас, вернёмся к нашим вопросам после того, как подкрепимся.

Дворяне тут же поднялись со своих мест, и хотя по их взглядам я видел, как им хочется остаться, но молча стали покидать кабинет.

– Что случилось? – Герцог предложил мне сесть, а сам направился к столу, позволяя мне разглядеть себя.

Что сказать, повзрослел за это время не я один, герцог облысел, стал ещё более поджарым, и кожа, словно пергамент, обтягивала его тело, хотя взгляд и манера двигаться остались прежними.

– Никки похитили маги, я не смог противостоять им, – вывалил я правду, от которой он, только опустившийся на своё трон-кресло, снова подскочил.

– Что-о-о?!!

– Три стальных голема появились из телепорта в нашей спальне, забрали её с собой, а моё оружие не оставило на них ни царапины.

– Судя по твоему спокойному виду, она не в опасности? – Спустя секунду герцог пришёл в себя от услышанного и внимательно посмотрел на меня. – Что потребовали взамен?

Мне надоело стоять, и я присел на один из стульев, стоявший близко к столу.

– Каменную смолу, из неё они получают эликсир молодости.

– Что-о-о?!!

Мне стало смешно, видя, что каждое новое моё предложение заставляет его вскакивать.

– Да, ваша светлость, как делают, не знаю, этого не было в тех летописях, что я читал.

Почему-то дальше герцог расспрашивал меня не столько о судьбе своей воспитанницы, словно убедившись по моим словам, что с ней всё будет хорошо, а исключительно о магах и об этом эликсире, да так упорно, что мне в голову стали закрадываться нехорошие мысли. Поэтому пришлось откреститься от любых знаний в этом вопросе, оставив его недовольным.

– И что ты планируешь делать? Ведь не просто так ко мне приехал? – поинтересовался Валенса, когда тема эликсира себя исчерпала.

– На самом деле я просто заехал вам сообщить о том, что случилось, – признался я, – хочу встретиться сегодня с инквизицией и попросить помощи или оружия в борьбе с магами. Ведь должно же у них что-то остаться после победной войны.

– Тебя после первого же слова о том, что ты общался с магами, упекут в пыточную, – отмахнулся он от моих слов, – к тому же не забывай, что тебя в нашем королевстве не рады видеть. Одно то, что ты объявился у меня, вызовет волну слухов, не говоря уже о том, что завтра об этом будут знать все в столице.

– Я планировал сказать им только то, что на меня напали маги и отняли жену, чтобы я работал на них как шпион в королевстве.

– Это ещё хуже, кому из инквизиции дело до Никки и твоих проблем? – сказал герцог, и у меня не нашлось, что ему ответить.

Мой первоначальный и сумбурный план – появиться у паладинов и, страдая рассказами о магах, заставить мне помогать – явно требовал доработки.

– Что вы предлагаете, ваша светлость? – Я нахмурился и сел ровнее. – Я, конечно, готов отправиться на её поиски, место обитания магов где-то в Стиксе на другом континенте, но что я смогу им противопоставить, неизвестно, поэтому даже не взял с собой своё... необычное оружие, раз от него нет толку, к тому же его не одобряет инквизиция.

– Я сегодня же поеду и встречу с братом Антонием, ты пока смой с себя грязь, отдохни. – Герцог явно что-то прикидывал в голове, поскольку его мысли были далеки от этой комнаты. – Конечно, в моём доме не так много удобств, как в твоём гномьем дворце, но постарайся всё же не критиковать открыто наш быт.

Мои глаза непроизвольно расширились, от его тона веяло таким сарказмом, что не почувствовать и не отреагировать я не мог.

– Всего лишь мелкие блага, без которых я легко могу обойтись. – Я пожал плечами, показывая, что его колкость меня не задела.

«Я же не виноват, что вам всем здесь так удобно оставаться в Средневековье», – про себя подумал я.

Валенса поднялся из-за стола.

– Тогда отдыхай до вечера, Максимилиан, я прикажу, чтобы тебя обеспечили всем необходимым, – сказал он. – Мне нужно закончить встречу и потом заняться твоим делом.

– Думаете, лично у меня вообще нет шансов их уговорить? – Я повернулся возле двери, прежде чем её открыть.

– Можем поспорить. – Неожиданно он широко улыбнулся. От его редкой и такой холодной улыбки мне стало не по себе.

– Хорошо, жду результатов встречи, ваша светлость.

Мне выделили не одного личного слугу, а целых пять, так что время привести себя в порядок, а также переодеться в более приличную одежду у меня было, вот только, похоже, моя одежда отстала от местной лет так на пять. Как я был одет, тут никто давно не одевался, и я снова выглядел белой вороной, даже когда слез с лошади, снял броню, помылся и переоделся в чистое.

* * *

Пока Валенса был занят, делать мне было совершенно нечего, и сразу в голову начали закрадываться мысли о жене, магах и о големах, которых невозможно остановить. Я снова начал терзаться чувством вины.

– Так, стоп! – Я встал с кровати и встряхнулся. – Хватит дурью мучиться! Всегда найдётся кто-то сильнее тебя, так что нужно отвлечься, иначе я себя мыслями о собственном бессилии, похороню раньше времени.

Выйдя из комнаты, я подозвал одного из выделенных мне слуг и попросил провести во двор, мне захотелось походить по аллеям сада, полюбоваться фонтанами и просто отвлечься. Он кивнул и приглашающе взмахнув рукой, повёл за собой.

– Господин виконт, если я понадобится, то буду поблизости. – Слуга показал мне на входную дверь, откуда мы вышли, и, поклонившись, оставил меня одного.

Правда, когда я повернулся спиной к дому, чтобы решить, куда мне пойти, то выяснилось, что кругом уйма народу. Молодые девушки и парни, сидящие небольшими группами, их слуги, собравшиеся вместе и во что-то азартно играющие, а также в гораздо меньшем количестве, но всё же имелись мужчины и женщины моего возраста, которые чаще всего стояли или гуляли парами. Никого из них я не знал, так что решил пройти и сесть в беседку, рядом с большим фонтаном, хорошо ещё, что в ней никого не было, поэтому я мог спокойно сидеть и смотреть, как струи воды вырываются вверх и затем на ярком солнце разбиваются на радужные брызги. Голова начала проясняться, и в ней стало меньше мыслей о том, что произошло недавно...

– Ой, наше место занято! – внезапно раздался девичий голос рядом со мной.

Я перевёл взгляд от фонтана на говорившую. Симпатичная девчушка лет пятнадцати в сопровождении ещё пяти таких же красивых и хорошо одетых девушек, без сопровождения парней.

– Добрый день, леди. – Я чуть склонил голову в приветствии.

– Господин... – Она, видимо, была самая смелая из всех, поэтому обратилась ко мне с явной интонацией в голосе, требующей назвать себя.

– Виконт Максимильтян, – представился я.

– Баронесса Глосс. – Она манерно сделала книксен, за ней представились остальные подружки.

– Господин виконт, – она лукаво на меня посмотрела, – нам бы хотелось посекретничать с подружками, а то парни постоянно нас преследуют...

Я понял намёк, нехотя встал и вышел из беседки.

– Виконт, вы чудо, – видимо, копируя кого-то из взрослых, сказала она и сразу же смутилась, а её подружки зашушукались.

Пожав плечами, я отправился к дому, решив перекусить и поспать.

– Максимильтян?! – Знакомый голос заставил меня повернуться и в удивлении замереть на месте. Тот, кого я искал сегодня утром, стоял сейчас передо мной, в окружении ещё троих паладинов в золотых сюрко.

– Граф? – Я очнулся от удивления и сделал два быстрых шага вперёд, чтобы пожать протянутую руку.

– Сколько лет. – Он удивлённо меня рассматривал. – Что тебя привело в столицу?

Я не знал, что ответить, поскольку если сейчас расскажу ему всё, то как герцог на это посмотрит, ведь он хотел сам обо всём поведать лично главе ордена инквизиции.

– Отойдём? – Я покосился на его спутников. – Это не совсем тот вопрос, который я могу обсуждать на людях.

– Простите, господа, – граф сразу обратился к своим товарищам, – я позже вам всё объясню, мы давние приятели с виконтом.

Я вежливо поклонился паладинам, они лишь проводили меня внимательными взглядами.

– Ты совсем не изменился. – Он внимательно разглядывал меня, когда мы уединились в одном из зелёных тупичков сада.

– А вы постарели, граф. – Я улыбнулся, он и правда с нашей последней встречи сильно изменился, чуть пополнил, стал не таким плавным в движениях, как его помнил, да и в шевелюре ясно проглядывала седина.

– Эх, что есть, то есть, – грустно покивал он головой, – женился, воспитываю дочерей и сына, так что неудивительно.

– Дочерей, сына?!! – Моя челюсть едва не отвалилась от таких новостей.

– Ну да, не одному же тебе иметь жену, – хмыкнул он. – Приезжай ко мне в гости, я тебя познакомлю со своей семьёй, я ведь так и не отблагодарил тебя за подарок, хотя, когда я первый раз вскрыл свёрток, хотел тебя прибить.

Он хмыкнул и похлопал ладонью по своим ножнам.

– Мне тогда казалось, что это будет хорошей шуткой. – Я вспомнил, как выковал ему абсолютно чёрный клинок, причём постарался так, чтобы мой дар сделал меч как можно более тёмным.

– Хорошо ещё, что на нас тогда напали кочевники, – продолжил он, – а то у меня было дикое желание вернуться обратно и начистить тебе физиономию.

– А что, паладин с чёрным мечом, по-моему, неплохо, – широко улыбнулся я, когда он чуть выдвинул меч за рукоятку и показал чёрное лезвие.

– Ладно, это дело давно минувших дней, – отмахнулся он, задвигая меч обратно, – тем более что он спасал меня не один раз, так что все привыкли в конце концов. Даже интересовались мастером, который создаёт такое непревзойдённое оружие. Так что случилось? Почему ты здесь? Если глава узнает, что ты в столице, у тебя будут неприятности.

– А вы? – Я искоса посмотрел на него.

– Я такой рассеянный стал к старости, – хмыкнул он, – постоянно всё забываю. Бывает, увижу кого, а вечером забуду, что с ним встречался.

- В общем-то, я приехал за помощью, - решил я рассказать ему правду, видя, что он хорошо ко мне расположен и не вспоминает старых обид, - только обещайте ничего не предпринимать раньше, чем герцог Валенса поговорит с вашим главой. Он обещал мне сегодня с ним встретиться.

- Настолько всё серьёзно? - Граф сразу собрался и стал напоминать мне прежнего себя.

- Мою беременную жену похитили стальные големы, которых подослали маги, они же потребовали выкуп за неё в виде ежемесячной дани.

Если я хотел его удивить и ошеломить, то это мне удалось. Граф напоминал мне рыбу, которую сначала выбросили на берег, а затем ещё и оглушили веслом.

- Именно поэтому я и попросил вас соблюсти тайну, - невесело усмехнулся я.

- Ты абсолютно в этом уверен? - Граф серьёзно на меня посмотрел.

- Стальные големы, порталы, визуальное послание от магов, что ещё нужно, чтобы убедить вас в этом? - пожал я плечами.

- Да уж, что-что, а удивлять ты можешь, Максимильтян, - задумался граф. - Мы последние два года сталкивались с проблемами, которые кроме как вмешательством магов нельзя было объяснить, но старательно отгоняли от себя эту мысль, считая, что такого просто не может быть. Но если маги вернулись и снова баламутят воду, то многое становится понятным.

- Неужели они и в Шаморе набедокурили? - настала моя очередь удивляться.

- Не они сами, а вот их эмиссары... теперь ясно, откуда появились в продаже магические предметы и произошла череда непонятных смертей.

- Значит, думаете, что брат Антоний будет заинтересован в помощи мне?

- Даже не знаю, Максимильтян, у главы хорошая память, а последние годы отношения с тобой были далеки от идеальных, правильно, что хоть священников принял к себе.

– Тогда ещё раз попрошу вас, граф, не разглашать ничего из того, что я вам рассказал, пока герцог не проведёт предварительные переговоры.

– Если брат Антоний прямо спросит, я расскажу о нашем разговоре, – он покачал головой, – если нет, то сделаю вид, что впервые слышу.

– Мне этого достаточно, граф, был рад с вами снова повидаться.

– Взаимно. Не хочешь, чтобы я представил тебя своим друзьям? – поинтересовался он, кивнув за спину.

– Пожалуй, сейчас не время для этого, нужно сначала дождаться результата переговоров.

– Согласен, тогда до встречи?

Мы вежливо раскланялись друг с другом и разошлись, он вернулся к своим сопровождающим, а я в дом.

* * *

– Господин виконт. Господин виконт. – Моего плеча осторожно касались, поэтому я проснулся, открыл глаза и непонимающе посмотрел на служанку.

– Его светлость просит вас прийти к нему, – быстро протараторила она, увидев, что разбудила меня.

– Веди. – Я потёр ладонями лицо, чтобы прийти в себя, и, встав, попросил полить воды мне на руки, чтобы сполоснуться и взбодриться, не хотелось идти совсем заспанным. Холодная вода привела меня в чувство, и, протерев лицо жёстким полотенцем, я полностью проснулся и заспешил вслед за служанкой, которая, словно специально для меня, покачивала бёдрами при ходьбе. Судя по зажжённым везде свечам, а также полной темноте за окнами, время было позднее.

– Господин виконт, прошу вас, хозяин ждёт, – передо мной открыли дверь знакомого кабинета.

– Добрый вечер, ваша светлость, – поприветствовал я герцога, который сидел в одежде для поездок, видимо, даже не успел переодеться, после посещения инквизиции.

– Садись, Максимильтян. – Он указал рукой на стул, рядом со своим столом и задумчиво продолжил: – Есть хорошие новости и плохие, и я даже не уверен, что хорошие ими являются.

– Как прошла встреча с братом Антонием? – Я был удивлён его словами, но решил задавать вопросы издали.

– В целом весьма конструктивно, – закивал он своим мыслям, – что касается тебя, я договорился: пока ты находишься в столице, за тебя отвечаю я и репрессий от ордена в отношении тебя не будет.

– Но... – По его тону я понял, что, как всегда, имеется оговорка.

– Ты никуда не съёшься и никого не посещаешь, максимум, куда ты можешь приехать из своего дома – это ко мне.

– Я всё равно прибыл сюда не для развлечений. – Я пожал плечами. – А что насчёт главного? Что он сказал?

– С этим сложнее. – Герцог нахмурился. – Во-первых, и это странно, брат Антоний внимательно выслушал мой рассказ о произошедших событиях и стал расспрашивать обо всём, вплоть до мелочей. Я думал, мне не поверят или отнесутся к моим словам недостаточно серьёзно, но всё прошло по-другому, такое впечатление, что они и сами сталкивались с магами, ничем другим я такой его пристальный интерес не могу объяснить.

«Граф был прав, – подметил я, не выдавая герцогу имеющейся у меня информации, полученной в разговоре с паладином, – похоже, маги снова стали активнее вмешиваться в жизнь людей».

- Во-вторых, он без долгих уговоров согласился помочь тебе, но поставил несколько условий, – продолжал собеседник, не замечая моей задумчивости, – причём если не примешь любое из них, то сделки не будет.
- Это какие же? – хмуро спросил я, представляя, что инквизитор там себе напридумал.
- Ты предоставишь им образцы этой каменной смолы, которую требуют у тебя маги, а также будешь полностью подчиняться всем приказам графа Стольского, которого назначат твоим куратором.
- Не вижу проблем. – Я удивился таким простым требованиям, предположив, что потребуют что-то запредельное, и готовясь торговаться.
- Ты не совсем понял, они не намерены, собрав отряд, идти с тобой на поиски Никки, они сначала хотят проверить твою лояльность вере и церкви, чтобы решить, помогать тебе или нет.
- И сколько эта поверка будет длиться? – Настроение опять резко пошло вниз.
- Столько, сколько им потребуется, – добил меня Валенса, – это их условия, которые не обсуждаются.
- Странно, если они будут испытывать меня целый год, я что, должен всё это время терпеть? – Мне такой расклад не очень понравился, без чётко обозначенных временных рамок я мог надолго застрять в городе и в лапах у инквизиции.
- Ты можешь принять их условия или отказаться, но я могу тебе дать совет, основанный на личных наблюдениях.
- Конечно, ваша светлость, я полностью доверяю вашему мнению, – поспешил согласиться я, ещё бы я не хотел услышать совета от человека, чья жизнь – одни сплошные интриги и заговоры.
- Брату Антонию было вообще неинтересно начало нашего разговора, ему не нужен ни ты, ни твоя жена, но... – герцог громко хмыкнул, – но, как только речь

зашла об эликсире молодости, его словно подменили: начался торг, он стал предлагать варианты, да и требование получения образцов смолы появилось тоже не просто так.

– А сколько ему сейчас?

– Около пятидесяти, ещё чуть-чуть – и будет дряхлым стариком, – ухмыльнулся Валенса, – так что едва я уловил перемену его настроения, как переговоры пошли в нужном нам с тобой русле.

– Получается, я должен искать магов не для того, чтобы спасти жену, а чтобы найти ему эликсир?

– Ты всегда был умным парнем, Максимильтян, – герцог косо на меня посмотрел, – так что и в этот раз приоритеты расставил правильно: если глава инквизиторов только заподозрит, что ты не предоставишь ему эликсира долголетия, ты для него станешь совершенно бесполезен. Это же произойдёт, если они сами смогут создать его на основе предоставленных тобой образцов.

– Это вряд ли, я не раз проводил опыты с каменной смолой, но так и не смог добиться нужного результата.

– И Максимильтян, – герцог внимательно посмотрел на меня, – надеюсь в своих поисках ты не забудешь о том, что я тоже не молод?

– Ваша светлость, как только я найду хоть бутылочку смолы, то сразу же отдам её вам, а не этому старому хрычу.

Валенса посмотрел на меня с заметным облегчением и заметил:

– Отлично, Максимильтян, тогда отдыхай, завтра за тобой прибудет граф, и ты начнёшь службу.

– Я что, стану паладином? – не понял я.

– Не совсем, скорее, их доверенным лицом. – Он снова хмыкнул. – Но ты всегда можешь уйти, главное, помни, что стоит на кону.

– Как я могу это забыть, когда крики жены снятся мне каждую ночь? – со вздохом ответил я. – Спасибо, ваша светлость, вы который раз помогаете мне.

– Я просто уверен в твоём благоразумии, Максимильтян, – заверил меня герцог, поднимаясь из-за стола. – Ты всегда чётко расставляешь приоритеты и можешь поступиться своей гордостью ради благого дела. Я не говорю уже о том, что мы – семья.

«Да уж, первое для него намного важнее, – понял я его скрытый намёк, – какой бы родней мы ни были, дело для него всегда на первом месте».

– Граф приедет сюда или к моему дому? – задал я последний вопрос.

– Сюда, я решил не выгонять тебя на ночь глядя, но в последующие дни жить будешь у себя, к тому же они обещали присмотреть за тобой сами.

– Обложили со всех сторон.

– Максимильтян, это ты пришёл к ним за помощью, а не они к тебе.

– Что верно, то верно, – покачал я головой и решил, что пора прощаться. – Спокойной ночи, ваша светлость, спасибо ещё раз за гостеприимство.

– Надеюсь, утром ты составишь нам компанию за завтраком. – Герцог наклонил голову.

– Если граф не приедет раньше, то конечно, ваша светлость, – заверил я его.

* * *

Позавтракать мне не удалось, точнее, не получилось нормально, за столом, в окружении семьи герцога. Граф приехал так рано, что слуги собрали мне с собой в дорожный мешок, и я, вышагивая за лошадью паладина, перекусывал на ходу, доставая из мешка сыр, колбасу и ещё тёплые лепёшки.

Насытившись, я заметил, что граф и его отряд, численностью в пять человек, одеты по-походному и имеют седельные сумки.

- Граф, мы куда-то едем?

- Да. - Он потянул за поводья и поравнялся со мной, когда его лошадь сбавила ход. - Меня с утра разбудил посыльный и передал приказ главы ордена.

- Если за мной вы приехали так рано, во сколько же разбудили вас? - удивился я.

Он философски пожал плечами:

- Мы на службе, так что ничего странного, к тому же я сам собирался посетить эту деревню, просто вышло на неделю раньше.

- Хотя бы расскажите, куда и зачем мы едем? - поинтересовался я.

- Разоблачать ведьму, - будничным тоном ответил он. - Поступило десять жалоб из деревеньки виконта Глосса на падёж скота, побитие градом урожая.

- А естественные причины не рассматриваются? - хмыкнул я, вспоминая свой мир и ту травлю, которую устраивала инквизиция красивым молодым девушкам и женщинам, причём чаще всего по надуманным поводам.

- Максимильян, ты никогда не встречался с ведьмами. - Судя по утвердительной интонации, это был вовсе не вопрос.

- А они существуют? - Я был полон скепсиса. За всё время своего пребывания в этом мире я не то что с ведьмами, я вообще не встречал магически одарённых людей, ну кроме магов, конечно. Так что слышать заявление одного из паладинов, по совместительству и инквизиторов, о том, что они, дескать, чистят мир от ведьм, было смешно.

- Ты в Единого веришь? - задал вопрос граф, да так неожиданно, что я замешкался.

Я сделал знак Единого перед собой.

– Это ничего не значит, – нахмурился он. – Так ты веришь в него или нет?

– Верю, конечно. – На такой вопрос, да ещё и в присутствии инквизитора, всегда должен быть только один ответ.

– Ты думаешь, это всё шутки, – тяжело вздохнул он, непонятно почему сделав совершенно иной вывод из моих слов. – Ну что же, тем лучше для дела.

Граф тронул поводья и догнал своих товарищей, я остался в одиноком недоумении, а судя по тому, что ко мне вскоре стали оборачиваться его спутники, наш разговор он им передал. Сердце кольнуло.

«Что-то ты распустил себя Макс, нужно быть очень осторожным, да ещё и в присутствии служителей веры, – укорил я себя. – Если они начнут молиться, тебе тоже нужно будет это делать».

Мы вскоре выехали из города и неторопливо поехали по северной дороге, причём, к моему удивлению, голоса графа совершенно не было слышно. Куда делся тот балагур и весельчак, у которого не закрывался всё время рот? Я его совершенно не узнавал: молчаливый, суровый, да к тому же истинно верующий, судя по его речам. У меня в голове всё перепуталось, ну не похож он был на человека, с которым мы посетили столько борделей и таверн в своё время.

Я недоумевал, но старался копировать поведение паладинов, чтобы моя чужеродность не бросалась им в глаза. Я привык к свободным нравам, а у них существовала жёсткая иерархия, да такая, что со мной вообще, кроме графа, никто не заговаривал. Паладины изредка переговаривались между собой, не обращая на меня никакого внимания. Даже на привале, когда я хотел поделиться своей едой с ними, меня коротко поблагодарил граф, он же и ел со мной рядом, остальные даже не притронулись к предложенной пище. Они достали свои очень скромные запасы: сыр, хлеб и вино, этим и пообедали.

Когда они после еды сели молиться, я также сделал вид, что занят общением с Богом, правда, когда молитва закончилась, ко мне подошёл граф и попросил не делать того, что мне не хочется, потому что я мешаю им. Этим меня он снова удивил, но я, не поняв, продолжал повторять за паладинами, правда, чуть короче: благодарил Единого за пищу и уделял молитвам не более пяти минут.

* * *

– У тебя новое копьё? – Вечером, когда мы остановились на ночлег, я расчехлил своё оружие и стал тренироваться, чтобы разогреть связки и размяться. За моими движениями пристально следили все, и едва я закончил свой виртуальный бой, ко мне подошёл старший паладин.

– Да, – не стал скрывать я, – я помню, как вы смотрели на моё прошлое оружие, так что решил не брать его с собой.

– Молодец, – граф похвалил меня, не сводя глаз с матово-серебристого металлического древка, а также чёрного четырёхгранного навершия с плечами-стопорами.

– Можно? – Неожиданно он протянул руку. – Как ты легко с ним обращаешься, если оно целиком из металла?

Я нехотя протянул ему копьё, он приготовился принять тяжесть, но когда ощутил вес, его брови взлетели вверх. Он поражённо сделал пару выпадов, мельницу, показывая, что знаком с этим видом оружия, и вернул мне его назад.

– Что это за металл? Из чего сделано древко?

– Титан. – Я был уверен, что название ничего ему не даст, поэтому ответил правду: – Титан с молибденово-силикатными примесями.

Граф поражённо смотрел на копьё и покачал головой.

– Твои знания здорово пригодились бы нашему ордену, Максимильтян. Ты первый человек, чьи творения озадачивают меня. После твоего предыдущего оружия, а точнее, слухов, которые про него ходят, я думал, что меня уже ничем не удивить...

– Граф, всё, что я сейчас хочу, всё, что заставляет меня действовать, – это тревога за жену. – Я угрюмо посмотрел на него. – Так что если она будет в безопасности, то, возможно, что-то и покажу вам, но не ранее.

– Максимильян, – он подошёл ко мне вплотную и заговорил тихо, чтобы не слышали его товарищи, – ты сейчас не веришь нам, не веришь в Бога, не веришь никому и ничему. Твои пустые и бездушные молитвы, обращённые к Нему, для нашего отряда кощунство и кинжал в сердце, но все терпят и не делают тебе замечаний, хотя у некоторых моих спутников нервы отнюдь не железные, да и не привыкли они видеть такое откровенное попустительство по отношению к вере. Так что давай ты не будешь напоминать о своих проблемах каждый раз, когда я тебя о чём-то прошу или спрашиваю.

У меня отнялась речь, а под его взглядом я ещё больше смутился, я не привык его видеть таким.

– Вы чувствуете, что я лишь делаю вид, будто молюсь? – с вызовом посмотрел я на него, крепче сжимая копьё в руках.

– Да, поэтому и просил тебя не делать того, что тебе не нравится, так ты хотя бы не оскорбляешь всех нас своим поведением.

– Хорошо. – Я не стал извиняться и решил вести себя так, словно не еду рядом с паладинами. – Учту вашу просьбу.

Он лишь кивнул и отошёл от меня. Весь путь до места назначения я больше не притворялся, что молюсь или отдаю уважение их Богу, а еще – покупал еду и ел в одиночестве. Граф лишь изредка подходил ко мне и заговаривал, остальные вели себя так же, как я, делая вид, что не замечают меня.

Глава 2

Потрясение

– Милорд, спасибо, что приехали. – Староста деревни кланялся, словно китайский болванчик, так он был рад прибытию паладинов.

– Где она? – не глядя на мужика, одетого в просторное и грубо сшитое холщовое платье, поинтересовался граф.

– У себя, милорд, крайний дом, рядом с лесом. – Староста тут же побежал вперёд, показывая дорогу.

Я поехал вслед отряду, рассматривая деревню. Не больше двадцати домов, из каждого двора на меня пялилось с десятков глаз, в которых было всё: настороженность, любопытство, надежда и страх. Собаки в деревне имелись, парочка даже пыталась гавкнуть на чужаков, вот только сразу же полученные от хозяев тумачи заставили их, визгнув, спрятаться подальше от людей.

Все дома были словно выполнены под копирку: низкие, с покатыми крышами, застеленными хворостом и соломой, с маленькими окнами, закрытыми плёнкой из бычьего пузыря – я видел такие раньше.

«И где сейчас мой дворец, – тяжело вздыхал я, осматривая царившую вокруг нищету и антисанитарию, – где мои душ и клозет с удобствами?»

Вопросы были чисто риторическими, поскольку мне ещё долгое время придётся обходиться без всего этого. Маги получают от меня сполна, в том числе и за то, что оторвали меня от привычной жизни. Я не собирался прощать их даже в том случае, если они просто отдадут мне обратно Никки. Посягательство на мою семью и уклад, к которому я привык, дорого им аукнется – это я решил для себя твёрдо.

Из домов вскоре появились мужики, вооружённые вилами, и последовали за отрядом, словно могли сделать больше, чем пять тяжеловооружённых воинов. Паладины не гнали их, так что мне пришлось чуть пришпорить лошадь, чтобы не оказаться окружённым селянами.

– Выходи, ведьма! – закричал староста, когда мы подъехали к нужному дому, действительно стоявшему обособленно от остальной деревни. – Наконец-то наши молитвы были услышаны и тебе отольются наши слёзы!

Паладины спешили и, окружая дом, заняли позиции. Входная дверь скрипнула, и на пороге появилась милая девушка лет шестнадцати, в простом, до пят платье, с длинной косой, которую она сейчас испуганно теребила в руках.

– Вот она! Хватайте её! – заверещал староста, на что никто из паладинов не обратил ничуть внимания, а лично я замер, увидев два бездонных колодца зелени, девушка умоляюще на меня посмотрела, словно прося защиты.

– Нам нужен дом с погребом, – спокойно произнёс граф, обращаясь к старосте, когда остальные паладины подошли и связали руки девушке за спиной. Она чуть застонала, когда крепкие узлы врезались в кожу.

И снова умоляюще посмотрела на меня, а я сделал шаг по направлению к ним.

– Остановись! – впервые за дни странствия ко мне обратился один из паладинов, одетый в красивый доспех с серебряной насечкой.

– Но... – Мне не дали продолжить, поскольку все взялись за рукояти мечей.

Я прикинул их количество, перехватил копьё поудобнее, но, вспомнив, зачем я здесь, отъехал от отряда. Даже если они её утопят, моё дело было важнее жизни этой несчастной. За свой поступок я тут же был награждён презрительным взглядом девушки, бросившей лишь одно слово, зацепившее меня, как я ни старался отрицать это в глубине души!

– Слабак.

За это она поплатилась ударом в спину от одного из конвоиров, он ткнул её кулаком и приказал идти молча. Староста выделил свой дом под наше жильё и допросную, а сам переселился со всей семьёй к соседям, оставив нас одних. Паладины спустили девушку в подпол и, забрав оттуда часть продуктов, уселись ужинать. Меня, конечно же, не позвали, так что пришлось выйти из дома и обратиться к селянам. Увидев деньги, меня тут же снабдили пусть и простой, но обильной пищей, за которую в столице я заплатил бы в десять раз меньше. Вернувшись в дом, я устроился за столом, демонстративно разложив купленные продукты. К ним никто не притронулся. К таким странностям я привык, так что спокойно поел, не обращая внимания на сидевших рядом.

– Максимильтян, – обратился ко мне глава паладинов, – к тебе просьба, держи себя в руках до самого конца расследования, иначе наш договор будет аннулирован. Ведьма она или нет, мы установим сами, твоё дело лишь наблюдать – ясно?

– Да, – ответил я, понимая, что вскоре стану свидетелем весьма неприятного зрелища.

– Хорошо, что ты это понимаешь. Освободив девушку, ты подставишь всех нас, люди ждут справедливости, так что будь добр, не мешай нам, – не отставал он от меня.

– Я понял с первого раза, граф, – стиснув зубы, ответил я, – не нужно повторяться.

Он тяжело взглянул на меня и обратился не только ко мне, но и к остальным паладинам:

– На сегодня всё, всем отдыхать, завтра будет нелёгкий день.

...Проснулся я от шума и звяканья железа, пришлось открыть глаза и посмотреть, что происходит – паладины после утренней молитвы одевались в доспехи. Зачем и почему они это делали, ведь мы находились в обычной деревне, мне было непонятно, но я решил не выпендриваться, а встать, умыться во дворе у колодца и, позавтракав в одиночестве, также облачиться в доспехи.

Когда я вышел во двор, граф стал опрашивать свидетелей «бесчинств ведьмы», начав со старосты. Тот рассказал, что Велеса (так звали девушку) пошла не в мать, поскольку та была знахаркой, и весьма сильной, но никогда не причиняла людям вреда. Деревня при ней даже стала местом паломничества соседей, поскольку мать Велесы помогала всем всего лишь за еду. К концу жизни она старалась передать дочери своё умение, а когда умерла, деревня осталась без единственного лекаря. Велеса отказалась лечить всех подряд бесплатно и теперь изредка принимает страждущих, но за очень большие деньги.

«Конечно, народ лишился халявы, – хмыкнул я, выслушав речь старосты, – мамуля задарма старалась для людей, так была хорошая, и паладинов никто не стремился вызывать, а как их стали лечить за деньги, так тут же все кричат – ведьма! Сволочи неблагодарные».

Один из паладинов всё старательно записывал, граф лишь задавал вопросы и вызывал нового человека.

– Может, её покормить? – когда они сделали перерыв, спросил я у старшего палатника. – Девушка в холодном подполе без еды сидит.

Он удивлённо пожал плечами и нехотя приказал одному из своих товарищей:

– Дрейк, посторожи, чтобы ведьма не сбежала, пока виконт будет её кормить.

Тот кивнул и присоединился ко мне. Видимо, в их планы не входила кормёжка пленницы, так что мне пришлось доставать свои запасы и, открыв подпол, спускаться вниз.

Там было темно, пришлось попросить спустить мне лампадку и поставить её на полке, рядом с лежавшей на тряпье девушкой.

– Милорд, развяжите меня, прошу вас, – слабо произнесла она, когда я опустился рядом. – Я вижу, вы не такой жестокий, как прочие, пожалуйста, у меня затекли руки и ноги.

«Не очень хорошая идея, – подумал я. – Граф, если разозлится на моё самоуправство, так вообще не даст разрешения навещать бедняжку».

– Пожалуй, покормлю тебя сам, – принял я решение и, усадив девушку, стал разламывать хлеб, чистить яйца и кормить её.

Вскоре оказалось, что это не лучший выход: когда она прикасалась своими пухлыми и чуть влажными губами к моим пальцам, у меня мурашки начинали бродить по телу строевым шагом, к горлу подкатывала истома, и трудно было сосредоточиться на процессе кормления. Если бы я не был женат, то не устоял бы перед её заигрыванием, а сейчас я лишь собрал в кулак силу воли и скормил всё, что у меня было с собой. Девушка была заметно разочарована отсутствием моей реакции, стала пытаться меня разговорить, узнать, откуда, кто я, чем занимаюсь, при этом всё время смотрела прямо на меня, и я просто тонул в её взгляде, таких зелёных и проникновенных глаз, я ещё никогда не встречал.

– Мне пора. – Я закончил с едой и поднялся на ноги, чтобы забрать лампадку.

– Милорд, оставьте хотя бы свет, – она умоляюще взглянула на меня, – такая малость для вас, а я так сильно боюсь темноты.

Против такого я не смог устоять и, кивнув, стал подниматься, запирая за собой люк подпола. Выйдя на улицу, я подметил, как много людей уже успели опросить, – стопка бумаги всё пухла и пухла на столе у графа. Поскольку мне никто ничего не запрещал, я подошёл поближе и полюбопытствовал, что там написано. Некая Гули из семьи Нар обвиняла Велесу, что колдовством и приворотом увела у неё парня, с которым порочно сожительствовала, а потом бросила его, тот, не выдержав расставания, пошёл и утопился.

«Бабы! – Я пожал плечами, вспомнив с содроганием, как меня касались губы девушки. – Да тут любой за ней пойдёт, только она рукой поманит. Пожалуй, только паладины смогут устоять против такой красоты».

...Весь день я маялся от безделья, пока паладины были заняты, поэтому пару раз навещал пленную, кормил её, разговаривал, и с каждым разом в сердце разгоралась злость на то, что на неё наговаривает вся деревня только из-за того, что она родилась красивой, да к тому же отказывалась лечить бесплатно. Не спорю, прикосновения Велесы хоть и были мимолётны, но такие, что я вздрагивал и отодвигался, вызывая её недоумение. Вечером, когда я принёс ужин, она даже попыталась поцеловать меня, я увернулся, так что девушка упала мне на грудь, и я ощутил, что в меня упёрлись два упругих холмика с острыми сосками. Я сразу пожалел, что снял броню, прежде чем спуститься к ней, и постарался быстро усадить её обратно, отодвинув от себя. Девушка излучала похоть и соблазн, даже просто находиться с нею рядом мне становилось тяжело.

– Странно, что она тебя ещё не соблазнила, – ухмыльнулся граф, когда я поднялся и сел на свой топчан, тяжело дыша, – мы тут поспорили, что ты и дня не продержишься. Я дал тебе целых два!

– Я женат, – буркнул я и, стараясь не смотреть на их ухмылки, поплёлся к колодцу, чтобы холодной водой успокоить себя. После посещения Велесы было тяжело, сердце бухало в груди, едва не выпрыгивая оттуда, взгляд был затуманен, а запах трав и каких-то притираний, который исходил от неё, не выветривался из моей одежды, даже когда я полностью ополоснулся холодной водой. Казалось, что она всё время находится рядом со мной.

* * *

Когда спустя два дня граф закончил с деревенскими, я был удивлён, сколько людей, узнав о том, что по душу Велесы прибыли паладины, заявили нажаловаться на неё. Ей вменялись сглазы, рухнувшее на ногу бревно, отравление скота, даже выкидыши и те записались в актив псевдowedьмы. Я читал бумаги и поражался, насколько же гнусны люди, обвиняющие эту прелестную девушку, виноватую лишь в том, что родилась красивой и умной, они были готовы на любую подлость.

Я поучаствовал в двух беседах графа с девушкой, когда он стал предъявлять ей доказательства её занятия колдовством. Но больше меня во время этих разговоров в дом не пускали, поскольку я парой фраз разбивал все обвинения в её адрес. К любому доносу из той горы, что лежала перед графом, можно было найти контраргументы, я лишь высказывал самые очевидные, руша всю нить его беседы. К тому же взгляд Велесы, с которой мы сдружились за эти дни, был такой горячий и благодарный, что в конце концов граф не выдержал и выгнал меня на улицу, запретив появляться, пока они беседуют.

* * *

– Ты такой хороший, Максимильян. – Её пальцы касались моей руки, заставляя вздрагивать. – Кормишь, ухаживаешь за мной, даже пытался отстаивать перед этими ужасными людьми.

– Я лишь их гость, – хмуро прошептал я, – если тебя обвинят, я ничего не смогу сделать.

– Ты лукавишь. – Головка с чудно пахнущими волосами легла мне на плечо. – Можешь ведь развязать меня и выпустить утром, пока все спят.

Сердце моё и так билось в груди со скоростью мотора машины, поскольку её руки, даже связанные, касались то моих пальцев, то бедра, забираясь всё выше с каждым разом.

Не выдержав прикосновений, я достал кинжал.

– О, не сейчас, Максимильтян. – Она улыбнулась и посмотрела мне в глаза. Сердце ухнуло куда-то вниз от её взгляда. – Приходи рано утром, когда все будут спать.

Я судорожно кивнул и поднялся наверх, не замечая ничего вокруг себя, даже того, что при моём появлении все схватились за мечи. Слабо соображая, я пошёл на улицу, чтобы проветриться. Образ Никки в голове и сердце как-то стремительно угасал, подчиняясь чарам простой деревенской девушки, взгляд и улыбка которой меня безумно манили к себе.

* * *

– Надо же, проиграли все. – Комнату залил свет, и я испуганно вздрогнул, подняв взгляд на звук раздавшегося голоса. Рядом со мной внезапно оказались все до единого паладины, вооружённые и одетые, несмотря на глубокую ночь.

– Максимильтян, отойди от подпола, – мягко произнёс граф, подходя ко мне ближе, – она не стоит того.

– Стоит! – Я затравленно смотрел по сторонам, жалея, что копьё далеко и я стою, вооружённый лишь кинжалом, против шестерых воинов в доспехах, да к тому же вооружённых мечами. – Вы насобирали кучу оговоров и сплетен, теперь пытаетесь покарать девушку за то, что она не совершала! Она не виновата в том, что вся деревня и округа её ненавидят!

– Она ведьма, Максимильтян, – покачал головой граф, – и только ты, ослеплённый её колдовством, не видишь этого. Завтра мы её сожжём, хватит этого представления.

– Нет! – Я одним гибким и быстрым движением бросился в угол, где стояло моё копьё. Воины дёрнулись от неожиданности, но я уже сбросил чехол и встал в атакующую позицию. Битва в ограниченном пространстве всегда была противопоказана копейщику, но у меня не оставалось выбора, я хотел защитить Велесу любой ценой.

– Максимильтян, не отягощай...

Что хотел сказать граф, никто не услышал, поскольку внезапно крышка подпола, словно от взрыва динамита, подлетела вверх, и следом за ней взлетела девушка, зависнув в воздухе так, что её ноги не касались пола, а голова была на уровне потолка. Всё это произошло настолько стремительно, что я замер в ошарашенности, с ужасом наблюдая за тем, как лицо только недавно разговаривавшей со мной девушки с миловидного и даже красивого превратилось в страшную маску: вытянутые челюсти с тонкими и очень острыми зубами, заострившиеся черты, обнажившие щёки без кожи на челюстях, в провале которых мелькал чёрный язык, и весь этот ужас заканчивался на ногах, больше похожих на птичьи лапы, чем на аккуратные ножки молодой девушки, которые я только недавно разминал, держа в своих руках.

– Вы все умрёте! – Монстр, у меня не было других слов назвать ЭТО человеком или женщиной, махнул рукой, и один из паладинов улетел в угол комнаты и упал там сломанной куклой.

Она заорала так, что у меня едва не отказали уши, её пронзительный крик становился всё тоньше и тоньше, переходя в ультразвук. Паладины пытались напасть, но она лёгкими движениями руками, не прикасаясь к ним, с хохотом разбрасывала их по дому. Я почти не помнил, как, сбросив наваждение и сделав короткий замах, послал копьё в полёт.

– Червь, ты не... – Ведьма взмахнула рукой, пытаясь отбить копьё, но оно, выпущенное с короткого расстояния, пробило её сердце и вышло с обратной стороны. Ведьма недоумённо посмотрела на огромный стержень, который оказался у неё спереди и сзади, затем рухнула на пол.

В тот же миг у меня словно пелена с глаз пропала, я с ужасом смотрел на сморщенное и гадкое тело, к которому прикасался все эти дни. Оно трогало меня своими губами, ласкало пальцами, которые сейчас были вооружены длинными чёрными когтями. Я чувствовал себя так, словно искупался в дерьме, изнутри подкатился комок к горлу, и я, не выдержав, стал выплёскивать содержимое своего желудка, прямо на пол.

– Дрейк!

Я вытер рукавом рот, изо всех сил стараясь сдержать очередные рвотные позывы, и заметил, как граф с криком боли поднялся на ноги и бросился в угол,

где неподвижно лежал первый паладин, которого сбила ведьма, неожиданно вылетевшая из подпола.

Дом ожил, стали приходить в себя и остальные паладины, которые со стонами поднимались на ноги, а я направился к графу, пытавшемуся хоть что-то сделать со своим другом. Когда я подошёл ближе, то изумился, от его рук исходило яркое золотое сияние, которым он зажимал обнажившиеся рёбра неподвижного товарища с висящей на них кожей. Судя по всему, это не очень помогало, граф с каждой минутой становился бледнее, золотистое сияние слабело, а кровь несчастного продолжала сочиться.

«Лечение истощает графа! – догадался я и бросился к своим вещам. Я помнил, что Дарин перед отъездом вручил мне сумку, где, по его словам, лежат различные зелья. Я с момента отъезда не открывал её и сейчас страстно надеялся, что там будет что-то полезное. Рвотные позывы сразу прекратились, но, развязывая туго затянутую горловину мешка, я зарычал от злости, поскольку она не поддавалась. Пришлось кинжалом просто перехватить кожаный ремешок. Если я думал, что сегодня не способен более удивляться, после того как девушка, которая соблазнила меня, превратилась в летающий ужас и по сути оказалась именно той, ради которой мы и проделали этот долгий путь, то лежащий в деревянном тубусе с пузырьками мой лечащий кинжал заставил меня замереть на секунду.

«Дарин!» Сердце обдало потоком благодарности к другу, который, несмотря на мой жёсткий запрет, положил его в сумку, наплевав при этом на все мои заверения, что я не возьму с собой ничего магического.

Выхватив оружие из ножен, я стремглав бросился к раненому, возле раны которого сияние, исходящее от рук графа, становилось всё слабее и слабее.

– Пусти! – рыкнул я на Стольского, и он без возражений, с тяжёлым вздохом отвалился от раненого, тут же в изнеможении приткнувшись к стене. Я стал прикладывать лезвие лечащего кинжала к ране, шепча про себя:

– Райна, лечи, лечи, пожалуйста.

В кристалл кинжала была заключена душа женщины, сильной целительницы, она никогда мне не отказывала в лечении, даже когда я не называл фразу-

активатор. Я разговаривал с душой Райны, когда был в трансе, и она оказалась очень доброй и отзывчивой женщиной. Мы даже заключили с ней соглашение, что я всегда буду пытаться вылечить тех, кто в этом нуждается, за это она будет отдавать полную силу своей энергии. И на этот раз камень завибрировал, лезвие стало мелко резонировать вслед за ним, при этом края раны стали стремительно стягиваться, обрывки кожи быстро нарастали на прежние места, и спустя минуту от раны не осталось и следа.

Я убрал оружие и с замиранием сердца проверил пульс раненого, с удовлетворением убеждаясь, что он с каждой секундой становится всё ровнее и спокойнее. Через мгновение воин открыл глаза, недоумённо на меня посмотрев, как, впрочем, и все остальные паладины, которые столпились рядом с нами.

В тишине раздавшиеся с улицы крики петухов стали для меня звуками сирены, кричавшей в ухо. Раз, два, три – проклятые пернатые всё не умолкали, раздражая меня своими криками.

– Справились, – удивлённо и даже с долей недоверия прозвучал голос графа. Он стал приходить в себя, отдышавшись. – Даже не верится.

– Посмотрите сюда. – Голос позади заставил меня и всех остальных обернуться.

Стоявший возле мёртвой ведьмы паладин держал в одной руке моё копье, а другой рукой показывал на её тело. Пошатываясь, первым встал граф, подав мне руку, и мы подошли ближе. Недавний кошмар снова превратился в красивую девушку, вот только ровная, с чёрными краями дыра, там, где её пробило моё копье, придавали картине полную нереалистичность происходящего. Просто чёрная дыра обожжённого мяса, без единой капли крови.

– Наконечник пробил грудь, но умерла она, похоже, от древка, – сказал паладин, показывая на странную дыру в её груди, затем он обратился ко мне: – Из чего сделано ваше древко, виконт?

Граф поражённо посмотрел на меня и внезапно попросил:

– Дай мне кинжал, Максимильтян!

Я покачал головой, показывая на оружие в руке:

- Его нельзя давать посторонним.

- Не этот! - Он мотнул головой, показывая на тот, что был у меня на поясе, - Я видел, что он из такого же серебристо-матового металла, что и древко. Это ведь так?

- Да. - Это оружие я протянул охотно, мне не пришлось объяснять причину своего отказа.

Паладин принял кинжал и, наклонившись, одним движением отрезал голову ведьме, девушкой ЭТО я больше не в силах был называть.

- Ты прав, Нонс, необычный клинок режет плоть, словно масло. - Граф внимательно и с интересом посмотрел сначала на оружие в своей руке, а потом на меня.

- Что тут удивительного? - Я пожал плечами. - Это ведь металл, он и должен резать плоть.

Паладины переглянулись, а я почувствовал себя под их взглядами неуютно.

- Эм-м-м?

- Попробуй сам, обычным мечом. - Граф кивнул головой, и мне протянули один из мечей паладинов.

Я принял его за эфес, подошёл к телу и, наклонившись, попытался прорезать кожу. Клинок лишь бессильно скользил по ней, словно был совершенно тупым. Я ещё несколько раз поелозил им по разным местам тела ведьмы, но не смог сделать даже маленького надреза. Отдав меч и забрав назад свой кинжал, я с лёгкостью рассёк не только кожу, но и плоть.

- Да уж. - Я покачал головой и хотел вернуть оружие в ножны.

– Подожди, Максимильтян, одолжи его мне, нужно разрезать её тело на части и сжечь, пока ещё утро. – Граф вопросительно посмотрел на меня.

– Она что, ещё и ожить может?! – Моё лицо вытянулось.

– Лучше перебдеть. – Он взял кинжал из моей протянутой руки. – Если бы не ты, нам всем не поздоровилось бы сегодня, недооценили мы её, слишком уж много набрала заёмной силы, да и с тебя насосалась вдоволь.

Я замер:

– Это как?

– Думаешь, ты по своей воле так быстро забыл про жену и собственное достоинство? – хмыкнул паладин, подходя к телу, и начал его разделявать, причём, как я заметил, ни капли крови не вытекало из разрезов.

Моему смущению не было предела после услышанного, действительно, моё поведение оставляло желать лучшего, сейчас события двухдневной давности воспринимались, как будто случившееся было нереально и происходило не со мной. Внезапно возникшая страсть, полустёртые воспоминания о жене – я раньше не думал, что такое вообще возможно.

– Почему у неё кровь не вытекает? И как вы раньше разрезали тело, если обычный меч не берёт её плоть? – оставив временно в стороне самобичевание, я обратился с другими мучившими меня вопросами к графу.

– У сильной ведьмы тело становится нечеловеческим, а эта, как ты сам понял, силы набрала много, у более слабых всё будто у людей, и мечом можно одолеть, и кровь течёт красная. По второму вопросу всё просто, мы обычно сжигаем их живьём, редко когда приходится сначала убивать, а только потом сжигать. К тому же после поездки к тебе я обнаружил это. Он вытащил свой меч из ножен и с заметным усилием, но отнял кисть от руки ведьмы.

– Зачем тогда вам мой кинжал? – удивился я. – Если его меч имеет схожие возможности с моим оружием.

Он хмыкнул:

– Как ты недавно продемонстрировал, твой металл режет ведьм лучше, похоже, даже убивает. – Он пожал плечами и вернулся к своему делу.

– Вы сказали, что сразу поняли, кем она является на самом деле. – Вопросы сыпались из меня, словно из рога изобилия. – Почему?

– Покажи мне ещё одну крестьянку здесь, которая была бы так же чисто вымыта, ухожена и хорошо пахла. – Граф не отвлекался от разделки, но на все мои вопросы тем не менее отвечал.

– Но... но. – У меня не было слов ему возразить, действительно, я как-то не обратил на это внимания.

– К тому же для простой селянки у неё слишком правильная речь, да и манеры. Ты дворянин, а она с тобой разговаривала слишком неподобающе, словно вы ровня – эти несоответствия сразу бросились нам в глаза, а уж опрос жителей расставил всё по своим местам, зря ты скептически читал опросные листы, среди множества мусора там были и бриллианты правды.

Я давно не краснел, но тут почувствовал, что уши и щёки заливают краска. Граф был прав во всём, один лишь я, по своей гордыне и самоуверенности, что всё знаю лучше всех, вёл себя как несмышлёный подросток, впервые дорвавшийся до привлекательной женщины.

– Почему же она просто не сбежала, если была такой сильной?

– Тоже нас недооценила, к тому же она и так собиралась это сделать, только прихватив тебя с собой. Она видела, что ты полон сил, богат, знатен – всё это очень хорошее подспорье в пути.

– И часто вы с таким сталкиваетесь?

– С такими сильными редко, чаще середнячки попадают. – Он по-прежнему терпеливо отвечал на каждый мой вопрос.

– Почему тогда позволили мне с ней встречаться, если знали, кто она, с самого начала? Почему, если она так опасна, вы позволили ей меня околдовать?

– Ты ничего не слышал и заперся в своём упрямстве, – просто ответил мне граф, – так что мы решили дать тебе возможность испытать на себе этот непростой, но нужный урок.

Мне снова стало стыдно от его справедливых слов, которые жгли моё сердце не слабее калёного железа.

...Пока мы разговаривали, остальные члены отряда собрали с деревенскими костёр, и когда мы, закинув в мешок всё, что осталось от ведьмы, вышли во двор, огромная куча хвороста была сложена и только дожидалась огонька.

– Ведьму положено сжигать живьём, чтобы наверняка, но будем довольны, что все остались живы, и приступим. – Граф передал мешок одному из паладинов, который отнёс его куда следовало и поджёг костёр.

Загудевшее пламя, разгоняемое свежим утренним ветерком, быстро пожирало дрова и мешок с останками ведьмы. Надо отметить, что и тут паладины проявили скрупулёзность и, дождавшись, когда угли превратятся в золу, собрали её и развеяли в поле, затем перекопали место, где был ранее разведён костёр. Вскоре о том, что в деревне случилось нечто неординарное, можно было определить только по испуганно-довольным лицам местных, которые готовы были носить нас на руках.

– Что же, – когда всё было сделано, граф обратился ко мне, – здесь мы закончили, завтра утром выдвигаемся дальше.

– Дальше? Мы не вернёмся в столицу?

– Нам нужно посетить ещё два места из запланированных, после этого мы двинемся в обратный путь. Что, какие-то проблемы, Максимилиан?

– Нет, никаких. – Смысла напоминать ему об истинных причинах моего нахождения с ними рядом не было, он и так об этом отлично знал, поэтому спорить я не стал.

– Тогда всем отдыхать.

* * *

Вот уже вторую неделю мы были в пути, добираясь в какой-то город Блоу, бывший крайней западной точкой Гванделанда. Первые дни были наполнены терзаниями. Ещё бы – меня облапошила какая-то ведьма, затем, в следующие, я приставал к графу Стольскому, и он терпеливо отвечал на все мои вопросы о ведьмах и способах их распознавания, а также о делах, которые обычно поручают паладинам. Остальные дни были наполнены откровенной скукой, на наш отряд никто не нападал, и даже когда мы однажды упёрлись в лежащее на дороге дерево, предвещавшее чаще всего засаду, на нас и в этот раз не напали, хотя я и паладины заметили некое движение в чаще. Видимо, уважение к белым сюрко с золотыми крестами было слишком сильно, чтобы нас попытались ограбить. Заодно я выяснил, что сам граф и его отряд выезжают только по особым случаям, когда есть более или менее подтверждённые сведения. Так и оказалось, что только я один не был информирован о Велесе, которая с самого нашего прибытия в деревню подозревалась в колдовстве.

Но, когда я решил быть более информированным, на этот раз попытавшись узнать, куда и зачем мы едем, то был разочарован. Граф лишь с усмешкой хмыкнул и ответил:

– Будет веселее, если ты ничего не узнаешь о цели этой поездки.

– Да, очень весело было, когда нас едва не прикончила ведьма, – в сердцах ответил я, что ещё больше его рассмешило.

Надо отметить, что после происшествия с Велесой весь отряд стал не так настороженно ко мне относиться, паладины даже позвали меня к своему столу, чтобы разделить трапезу. Я же, помня, как вели они себя в самом начале, гордо отказался, предпочитая одиночество. Получив отказ, они больше ко мне не приставали, что давало мне много времени поразмыслить о новом опыте. Я ведь до этого случая не верил в существование ведьм, считая это вымыслом инквизиции, а тут такой внезапный поворот событий и самый натуральный шок...

– Максимильтян! – окликнул меня граф, я прогнал свои мысли прочь и поравнялся с ним.

– Как думаешь, нам стоит остановиться на ночёвку и утром прибыть в город или поднажать и прибыть в него поздно ночью? – внезапно спросил он.

Я подозрительно посмотрел на графа, а он, не отводя взгляда, честно посмотрел в ответ, так что пришлось спросить:

– С каких это пор моё мнение интересует хоть кого-то в этом отряде?

– Просто хочу быть учтивым, – продолжил удивлять меня он. – Ребята решили, что ты себя неплохо показал, так что можно пустить тебя к общему котлу. Непонятно, почему ты отказываешься?

Я задумался, ведь единственной причиной этому была моя гордыня.

Он понимающе хмыкнул, когда я промолчал.

– Зря ты злишься, кроме меня, тебя ведь никто из них не знает, и когда в отряд навязали какого-то аристократа с невнятными функциями, никого из парней это не обрадовало.

– Они не знают, зачем я здесь?

– Конечно нет. – Паладин весело на меня посмотрел. – О твоей просьбе, да и вообще о том, что с тобой произошло, знают в нашем ордене только двое.

– Ну спасибо, – криво усмехнулся я, – за просвещение. Может быть, ещё расскажешь о том, куда и зачем мы едем.

– Да, насчёт этого. – Он внезапно стал серьёзным. – Прошу тебя быть очень осмотрительным, до ордена дошли слухи, что в Блоу творятся тёмные делишки, но все светские дознаватели, которые туда прибывали, уезжали ни с чем. Поэтому послали нас.

– А что конкретно вызвало подозрение? Маги? – с волнением спросил я.

– Это нам и предстоит узнать. – Он хлопнул меня по плечу и отъехал к своим, оставив в раздумьях.

Отряд, посоветовавшись, решил всё же остановиться на ночёвку у дороги, поскольку заметно темнело, а местной желтоватой луны практически не было видно. Паладины устраивали лагерь, а я, пока было время, успел потренироваться. Копьё обладало титановым древком и новым наконечником, который я сделал не в виде обычного лепестка с двумя заточенными краями, а как четырёхгранный штык, заточенный под плоскость с небольшими стопорными плечиками там, где он переходил в древко. Это сильно поменяло баланс оружия, так что приходилось привыкать к нему заново. Зачем я менял привычное лезвие? Ответа на этот вопрос я и сам не знал, просто когда я получил титан на алхимическом столе, то сразу решил сделать себе абсолютно новое копье. В любом городе теперь можно было купить обычное гномье оружие, так что если в бою новое копье меня не устроит, всегда можно будет заменить его на привычное. Вот только с каждой тренировкой оно мне всё больше нравилось. Древко такое крепкое и лёгкое, да и под удары его можно было спокойно подставлять, хотя, конечно, инерция чужого удара била по рукам чуть сильнее, чем с деревянной основой, но зато этот недостаток легко покрывался его достоинствами: не нужно было мучиться с навивкой и креплением полос металла на деревянное древко, вдобавок оно не намокало и не требовало сушки и, конечно же, не впитывало кровь. Всё, что требовалось, – не принимать сильные удары прямо, уводя их вскользь, и этому копьё цены не будет. Необычный наконечник вначале тоже был мне не совсем привычен, поскольку менял ощущения от ударов, проникая глубже, чем я привык, но стопорные плечики служили напоминанием, что нужно прилагать чуть меньше сил, чтобы проткнуть что-то. Поэтому к своему новому оружию я пока притирался, тренируясь при первой же возможности, но не мог не заметить, какое внимание оно привлекало к себе у остальных членов отряда, ведь даже не зная, что такое оружие одно на весь мир, они могли оценить его необычность просто по внешнему виду.

Сполоснувшись у ручья ледяной водой, я переоделся в чистое, постирав прежнюю одежду. Привычный мне ритуал, который я, если мы не ночевали в деревне или в придорожной харчевне, всегда выполнял сам на ночной стоянке, не позволяя себе лениться.

– Опять мылись, виконт? – Я подошёл к костру и стал развешивать одежду, чтобы она просушилась за ночь.

Я удивлённо повернулся к заговорившему со мной паладину, это был Дрейк – тот, кому я спас жизнь.

– Да, люблю чистое бельё. – Я пожал плечами, в отряде все воины, кроме графа, были не знатны, но кичиться своим благородством в походе было бы верхом неблагоразумия. От этих людей могла зависеть моя жизнь, впрочем, я и так был всегда лоялен к незнатным, вспоминая, с каким трудом мне самому достался дворянский титул.

– Кошки и те реже умываются, чем вы, – улыбнулся он, приглашая жестом присоединиться к их трапезе.

«Третий раз отказывать не стоит. – Я колебался пару секунд, принимая решение, но затем отбросил ненужную сейчас гордыню в сторону. – Он явно предлагает от чистого сердца, тем более трудно отказать человеку, которого недавно спас от смерти».

Мои колебания не укрылись от него, поэтому, когда я не стал привычно отказываться, а кивнул и зашагал к столу, он улыбнулся и кинул быстрый взгляд на графа, который за нами пристально наблюдал.

«Сговорились!» – сразу понял я, пристраиваясь рядом с позвавшим меня паладином.

– Ну давай, доставай же скорее тот чудесный кусок ветчины, который ты купил в прошлом селе, – бесцеремонно подсел ко мне граф, радостно потирая руки, – и кровяные колбаски не забудь!

– Эй! – возмутился я. – А как же сыр, хлеб и вода – ваша лучшая еда? Усмирение плоти и отказ от чревоугодия?

– Мы отъехали достаточно от столицы, чтобы забыть о вкусе мяса, – безапелляционно отнёс он мои возражения и забрал из рук мешок с едой.

Несмотря на моё возмущение, граф достал из него всё самое вкусное, начиная от уже упомянутой ветчины и колбас, заканчивая глиняным горшочком с медовыми сотами.

– Ну и вкуснятина! – Облизывая пальцы после обильного ужина, граф отвалился от импровизированного стола из сёдел. – Я даже не знал, что ты такой запасливый едок, к тому же сладкоежка.

– Мёд, кстати, я не успел даже попробовать, – ворчливо ответил я, посмотрев на пустой глиняный горшок. – Хочу также отметить, что молчаливый вы мне нравитесь больше своей говорливой версии.

– Ха-ха-ха. – Он тут же развеселился, напомнив мне того весельчака и балагура, который так мастерски выводил меня в своё время из себя. – Нужно будет нам как-нибудь гульнуть и вспомнить прошлое.

Граф подмигнул мне, намекая на наши похождения по трактирам, дворянкам и борделям.

– Опять же где смирение, отказ от мирских слабостей и бичевание плоти? – напомнил я правила их веры.

– Какой же ты зануда, Максимильян, – сморщился он, – тебе накинуть лет сорок, одеть в робу и ...

Тут он замолчал и пошевелил пальцами в воздухе, все паладины неожиданно рассмеялись.

– Что и?.. – Я недоумённо смотрел на него и отряд, и только потом до меня дошло, на кого он намекает.

Я фыркнул, встал и стал собирать остатки еды, нужно было готовиться ко сну.

* * *

Утром я не узнавал паладинов, словно не с этими людьми я выехал в дорогу. Не было частых остановок на молитвы, как раньше, не было показательно скромной еды, в их сумках обнаружилось не меньше вкусняшек, чем в моей, взять хотя бы вяленое мясо, которое тонкими полосками можно было жевать во время пути, скрашивая дорожное однообразие. Я даже не говорю о том, что они стали вести

себя просто как единое братство людей, скреплённое верой, оружием и общим делом. Граф общался со спутниками на равных, хотя в столице неоднократно был замечен мною в дворянской спеси.

Я не стал удивляться таким трансформациям и просто наблюдал, хотя, как понял по частым ко мне обращениям паладинов, которые явно приняли меня за своего и отбросили с себя шелуху напускной набожности, – это было естественное для них поведение в походе. Нет, то, что они стали меньше молиться, не говорило об ослаблении их веры. Я часто видел, как после тренировок друг с другом во время остановок они успевали подлечивать друзьям ссадины и шишки. При этом золотое сияние их ауры ни на сантиметр не уменьшалось, несмотря на то, что они частенько пропускали полуденные молитвы. В общем, эти люди начали даже немного нравиться мне, первое впечатление от них было явно обманчивым.

* * *

Веселье и шутки закончились сразу, как только мы увидели невысокие, но зато каменные стены города, бывшего целью нашего путешествия. Паладины собрались, и весь путь до ворот мы проделали в молчании. В город нас пропустили быстро и без всяких пошлин, стражник едва увидел кресты на одежде моих спутников, как тут же стремглав бросился открывать створки, которые были приоткрыты с расчётом только на одного всадника. Поскольку я не был инквизитором, то позволил себе притормозить, дать ему серебряную монету и поинтересоваться, где нам можно остановиться в приличном месте. Он тут же с радостью поделился всем, что знал, вывалив на меня гору информации о двух хороших трактирах в городе, все остальные, с его слов, были лишь клоповниками и пристанищем различного рода преступников.

– Где остановимся? – поинтересовался я у паладина, вернувшись к отряду. – Солдат сказал, что есть тут только два приличных места.

– Да где угодно. – Граф легко отмахнулся, и позже я понял почему.

Хозяин заведения, куда мы направились, под громким названием «Кочевник запада» был не рад появлению отряда инквизиции, но тем не менее безропотно выделил нам большую комнату и пообещал обеспечить едой. Для этого графу всего лишь нужно было показать большую серебряную монету, на которой я

заметил знак Единого и костёр с весами на обратной стороне.

Поскольку спать в одной комнате с храпящими шестью мужиками мне совершенно не улыбалось, наслушался я их трелей на ночёвках, то я заказал себе, за свои деньги, отдельную комнату, но рядом с ними. На радостях от неожиданной прибыли, хозяин едва не прослезился, поскольку кроме этого я купил у него дополнительно полное столование на всё время пребывания здесь.

Вскоре он понял, какую ошибку совершил, когда подал за один стол разную еду: паладинам попроще, экономя на них, а мне лучшее из того, что у него было, да и вино, появившееся рядом со мной. Граф, посмотрев на это изобилие, молча встал и, пропав на несколько минут, вернулся чрезвычайно довольный. Вскоре нам стали таскать из кухни лучшие блюда, а у паладинов кислое вино в кружках заменили напитком богов. Я вначале не понял причины подобной внезапной трансформации, но когда под конец обеда заметил хозяина с огромным кровоподтёком под глазом, всё стало понятно.

– Отлично поели, пора приниматься за работу. – Довольный граф поднялся из-за стола. – Эй, там, приготовьте нам закуску!

Слуги тут же забегали, должно быть, то ли видели, то ли слышали приватный разговор с хозяином таверны, но едва мы закончили седлать лошадей, как графу принесли большой кожаный мешок, который он принял и передал одному из своих.

– Максимильтян, – обратился он ко мне, когда мы подъехали к форту, который стоял в центре города, – слушай и запоминай, пожалуйста, всё, что можешь. Информации мало, так что будем исходить из того, какое впечатление произведёт на нас посещение городской управы.

– А что мы ищем? Можно более конкретно? – тихо поинтересовался я.

– Рабов, Максимильтян. – Граф строго посмотрел на меня. – До ордена дошли слухи, что в Блоу крутятся слишком большие деньги для такого заштатного городишки. Ресурсов тут никаких нет, драгоценные металлы не обнаружены, купцы с товарами бывают нечасто, так ответь мне, на что может богато жить городишко, единственной ценностью которого является близкая граница с Газаром?

– Работорговля, – уверенно заявил я, так как прекрасно помнил эту особенность нашего соседа. Сам к тому же в этом самом рабстве однажды побывал.

– Верно, так что сначала проверим главу города и стражу, – кивнул граф и, выведя лошадь на улицу, одним ловким движением на неё запрыгнул.

* * *

Весь день мы мотались по городу, разговаривая с разными людьми, но результатов не было. Точнее, я видел, что нам недоговаривают, что-то скрывают, но прямых улик не было, поэтому паладины хмуро переглядывались, но со мной своими выводами не делились.

Под вечер, когда мы направились обратно к постоялому двору, настроения не было ни у кого. Мало того, что мы ничего толком не обнаружили, так ещё и смогли пообедать только тем, что нам дали утром с собой, настолько все были заняты делом. Я, конечно же, мог отделиться от отряда, поскольку формально не занимался расследованием, но недавнее происшествие с ведьмой поколебало мою уверенность в том, что от инквизиции и паладинов вообще нет толка, и теперь присматривался к их работе и поступкам более тщательно и менее критичным взглядом, оставаясь всё время рядом.

– В гостиницу. – Граф посмотрел на отряд и повернул лошадь от казарм стражи.

Когда мы вернулись на место ночёвки и отдали лошадей слугам, все ушли в дом, а я замешкался на улице и внезапно почувствовал, что мои штаны сзади, в области колен, потрясли. Я удивлённо обернулся и увидел маленькую девочку, невероятно грязную, худую и со спутанными волосами.

Она настойчиво потрясла меня за ткань снова. Я присел, чтобы встретиться с ней взглядом.

– Что такое? Где твои родители, малышка?

Она не ответила, лишь взяла ткань штанов в кулак и потянула прочь от гостиницы. Пришлось подчиниться, хотя оружие я решил расчехлить на всякий

случай. Она повела меня вглубь квартала, всё дальше и дальше уводя от места, где мы встретились.

- Спасибо, Нэнси, хорошая девочка.

Услышав этот голос, малышка тут же от меня отлипла и, заулыбавшись, побежала туда, откуда он раздался. Я напрягся, подумав, что меня заманили в ловушку.

Из ящиков и прочей рухляди, которыми была завалена вся подворотня, стали показываться дети. Три мальчишки от десяти до шестнадцати лет и две девочки лет десяти, хотя я мог и ошибаться, поскольку возраст всех можно было определить лишь приблизительно из-за чрезмерно грязной одежды и худобы их тел.

Малышка, которая меня сюда привела, сразу же спряталась за одного из ребят постарше. Он вышел вперёд и теперь осторожно меня осматривал, всё время косясь на моё копьё.

- Господин, простите, что обратились к вам, - очень почтительно начал он, - во мне тоже течёт благородная кровь, так что пусть вас не смущает мой облик, если вы согласитесь выслушать меня, я вам всё объясню.

- Хорошо. - Не видя угрозы, я успокоился и поставил пятку копья себе на мыс сапога, чтобы в случае начала драки сразу его раскрутить.

- Мы слышали сегодня, с какой целью вы прибыли в этот город, и хотели бы вам помочь.

- Да? - удивился я. - А почему позвали именно меня? Паладины тоже хотят найти виновных.

- Паладины и раньше приезжали, но, прожив неделю, они чаще всего уезжали из города ни с чем. - Парень подошёл ближе и внимательно на меня посмотрел. - Вы не похожи на инквизитора, господин, поэтому мы взываем к вам с мольбой о спасении.

– Рассказывай. – Я нетерпеливо стукнул копьём о землю.

– Мой отец – младший сын барона, так что унаследовал после смерти родителя не так уж много и решил пустить полученные средства в оборот, занявшись лошадьми. Всей семьёй мы прибыли сюда, ибо он услышал, что тут можно купить хороших лошадей по небольшим ценам. Вначале всё было хорошо, он нашёл продавцов-кочевников, договорился с ними и даже выплатил залог, вот только ночью в дом, который мы снимали, ворвалась городская стража и оглушила нас. Когда я пришёл в себя, мы находились позади городской стены, а всё наше добро вместе с фургоном и лошадьми стража продавала тем самым кочевникам, с которыми мы недавно договаривались. Я посмотрел на отца, он тоже пришёл в себя и видел, что творится. Он тихо прошептал мне, чтобы я отползал как можно быстрее с этого места, пока негодяи заняты дележом добычи.

Всё так и было. – Он опустил голову, поймав мой внимательный взгляд. – Меня не кинулись сразу искать только потому, что сначала кочевники занялись моими родителями, я слышал, как кричала мама!! Её крики подстёгивали меня ползти и ползти дальше, а когда раздались крики отца, я забился в какую-то вонючую яму и так пролежал в ней до утра. Вскоре меня нашли мои нынешние друзья, вот так теперь мы и живём все вместе. Истории у всех разные, господин, но концовка одинаковая, и хотя мы думаем, что нам повезло, но болезни и голод с каждым месяцем уносят всё больше детей, которые смогли бежать или спрятаться от убийц их родителей. К тому же нас толком никто не ищет, получив всё, что им было нужно, бандиты не пытаются искать детей, если те успеют убежать. Нэнси вообще отпустили, не став даже продавать кочевникам, поскольку тех не было рядом в это время. Её просто выбросили из города, посчитав, что она умрёт вскоре в степи от голода и холода.

– Насколько часто происходит подобное? – История мальчика меня не очень удивила, край королевства, длань власти тут появляется изредка, вполне естественно, что местные её представители решили замутить свой маленький гешефт. Главное правило – не попадаться, а ему тут следовали неукоснительно, если все представители власти в городе, вплоть до стражи, замешаны в нападениях на гостей города.

– Они только на приезжих нападают? – поинтересовался я. – Мы расспрашивали многих людей, но те как заведённые повторяют, что в городе всё в порядке.

– Были те из местных, кто пытался искать правду, господин. – Мальчик хлюпнул носом и вытер рукавом своих лохмотьев глаза, на лице сразу появилась светлая полоса относительно чистой кожи, – но ребята сказали, что их тоже продали в рабство, и с тех пор в городе тихо.

– Ясно. – Я задумчиво постучал пяткой копыя по земле, затем снял кошелек и достал из него всю медь, что у меня была. Давать ребятам серебро было чревато, за него их могли и убить, если всё, что они мне сейчас рассказали, – правда.

Положив медь на ящик рядом с собой, я сказал:

– Мне пора идти.

– Вы ведь нам поможете, господин? – Паренёк умоляюще сложил руки. – Вы первый человек за последние три года, кого боятся местные стражи, мы видели, как смотрели они вам вслед.

– Для этого мы и прибыли сюда, – не поворачиваясь, пробормотал я и направился в сторону гостиницы. Шум позади был направлен к ящику, на котором я оставил деньги, так что сегодня детишки явно лягут спать не голодными.

Дорогу обратно я нашёл быстро, хотя иногда чувствовал на себе чужие взгляды, но, видимо, копьё в моих руках служило достаточным аргументом, чтобы нападений на меня не было, и я спокойно дошёл до постоянного двора. Войдя внутрь, я тут же удостоился заинтересованных взглядов паладинов, которые к этому времени спокойно ужинали, обсуждая прошедший день. Не подавая вида, я сел на свободное место и присоединился к их трапезе. Увидев меня, хозяин тут же шикнул на слуг, и вскоре на стол стала прибывать добавочная еда и вино.

– Что-то узнал? – наливая мне из кувшина холодной воды, тихо поинтересовался граф.

– Так заметно? – хмыкнул я, благодаря его за помощь.

– Нет, просто ты молчишь, а это явный повод задуматься, – громко ответил мне паладин, отклоняясь от меня, когда слуга подошёл ближе.

Все засмеялись от шутки, вот только глаза графа остались серьёзными. Поев и попив, но без особой пьянки, мы поднялись к ним в комнату. Поманив всех рукой сесть ближе ко мне, я быстро пересказал услышанное от детворы.

– Дело принимает серьёзный оборот, – нахмурился граф, – сможем ли мы вшестером отбиться от тридцати человек стражи и неизвестно скольких ещё участвующих в этом горожан?

– Не думаю, что жители будут защищать тех, кто их запугал. – Я в сомнении покачал головой. – Хотя полной уверенности, конечно, нет. Возможно, вы правы, граф, и в деле могут быть замешаны не только стражники и городская управа.

– Можно не предпринимать ничего и вернуться позже с подкреплением? – спросил один из паладинов.

– Если мы просто уедем сейчас, авторитет ордена пострадает, а мелкие жулики, которые насмеются нам в спину, подумают, что могут запугать паладинов. – Граф отрицательно покачал головой. – К тому же после того, что мы узнали, нам будет тяжело общаться с врущими нам в глаза горожанами. Я точно не смогу сдерживаться.

– Дети могли вас обмануть, виконт? – неожиданно спросил он меня, после минуты раздумий.

– Они были очень грязны и так худы, что не думаю, будто можно забрать ребёнка из семьи и заставить его голодать. – Я с сомнением покачал головой. – Да и зачем им такое выдумывать? Какую они выгоду с этого поимеют?

Граф снова замолчал, видимо, прикидывая варианты дальнейших действий.

– В таком случае у нас всего один вариант, – тихо сказал он. – Ночью захватываем казарму стражи, тех, кто будет сопротивляться, мы убьём, тех, кто предпочтёт сдаться, привлечём к наведению порядка.

– А если они тоже причастны к грабежам? – поинтересовался я.

– Если наведём порядок, сможем устроить суд, горожане сами вынесут решение по каждому. – Граф не колебался с ответом ни секунды. – Так что проверяйте вооружение, друзья, спать нам сегодня не придётся.

* * *

Хотя я не спал, лишь дремал, всё время был начеку, но первое прикосновение к плечу пропустил, открыв глаза, когда до меня дотронулись ещё раз. Граф стоял рядом, приложив палец к губам. Стараясь не шуметь, я поднялся и увидел, что все в сборе, меня разбудили последним. Без лишнего шума мы спустились по лестнице и зашли в конюшню, где надели сбрую на лошадей и повесили на них пучки соломы, которые взяли тут же.

Я не понимал, зачем нам солома, пока мы не подъехали к городской управе, а точнее, к казарме. Граф велел подпереть дверь, а затем разложить солому вокруг деревянного барака. Когда всё было выполнено, поджёг её. Солома и сухое дерево строения, из-за стоявших тёплых дней, быстро занялись, и вскоре пламя стало разгораться всё ярче и ярче, охватывая казарму со всех сторон.

– А если там есть невинные? – спросил я у паладина, на лице которого плясали отблески пламени.

– Учётные книги главы города пропали прямо перед нашим прибытием, – ответил он мне, – также необъяснимы дорогие оружие и доспехи у большинства стражников, не говоря о том, что об их гулянках в местных трактирах ходят легенды. Так что и без рассказа детей в городе много чего непонятного происходит, с ним же всё встало на свои места. Что касается тех, кто покрывает злодеяния против жителей королевства, то они виновны ничуть не меньше, чем те, кто эти злодеяния совершает.

Наш разговор прервали крики ужаса, которые раздались из запертой казармы, а дверь, подпертая повозкой, которую паладины подогнали впритык к ней, затряслась от ударов. В небольших окнах строения то и дело появлялись обезумевшие от страха лица, но огонь и жар быстро заставляли их отойти от единственных источников воздуха. Вскоре здание окуталось огнём и дымом, так ярко озаряя ночное небо, что из соседних домов стали слышаться крики: «Пожар! Горим!»

Люди, в чём были, выбегали на улицу и наталкивались на молчаливых паладинов, которые стояли и смотрели, как заживо сгорает городская стража. Они тут же разворачивались и возвращались домой, не спрашивая о причине пожара, она и так была понятна.

Ветер был слабый, но огонь вскоре перекинулся на здание управы, которая стояла рядом с казармой. Я обеспокоенно посмотрел на графа, но тот лишь пожал плечами.

– Если даже весь город сгорит дотла, значит, на то есть Божья воля и справедливость.

У меня волосы зашевелились на голове от таких слов, и я бросился по ближайшим домам и стал требовать всех выйти, чтобы начать тушение. Люди неохотно открывали двери, и то лишь когда я почти выбивал их из петель, и собирая вёдра и лопаты, стали стягиваться на пожар. Тушить казарму палadini нам не дали, поэтому все силы я и местные кинули на то, чтобы огонь с управы не перекинулся на соседние жилые дома. Всю ночь я, словно ужаленный в одно место, бегал и организовывал спасательные работы. Чем ближе к утру было время, тем больше просыпалось населения и выходило на улицы и тем больше помощников у меня появлялось. Все прекрасно осознавали, что, если огонь перекинется на их дома, весь город сгорит, квартал за кварталом.

За беготнёй и суетой я краем глаза увидел несколько сцен, резанувших меня своей жестокостью. Появившегося на площади главу города палadini молча скрутили и кинули в пылающие угли казармы на виду у всех. Его крики стояли у меня в ушах, хотя кричал он и не так уж долго. Этой же судьбы удостоились ещё несколько бедолаг, на которых палadini указали местные, понявшие наконец до конца, что происходит и почему горят казарма и управа. Глядя на палadini, люди, ещё вчера утверждавшие, что в городе всё в порядке, сейчас старались выгородить себя от всего, что творилось раньше, и сдавали направо и налево всех, кто участвовал в ограблении купцов и в продаже членов их семей в рабство. Дело дошло до того, что горожане сами притаскивали и швыряли в огонь торговцев—скупщиков краденого и тех стражников, которые ночевали не в казарме. Палadini смотрели, но не вмешивались. Только под утро, когда людей, что называется, понесло и начались разборки между соседями за все старые обиды, граф прилюдно зарубил двух крикунов, и сначала жители города хотели кинуться на инквизиторов, чтобы и их швырнуть в огонь, как делали это всю ночь, вот только пятёрка воинов применила оружие сразу и так жестоко, что

толпа мигом отхлынула от них, оставив на земле несколько бездыханных тел.

– Расходитесь! – с угрозой приказал горожанам граф. – С сегодняшнего дня в городе снова власть короля и церкви. Неповиновение им – смерть.

Кровь и обнажённое оружие оказали на людей нужное воздействие, так что все стали расходиться, с облегчением косясь на догорающие здания.

– Наше третье задание провалилось, – старший паладин подозвал отряд к себе, – мы не сможем оставить город в том виде, в каком он сейчас, и уехать. Поэтому завтра я и виконт поедem в обратный путь, по дороге оповещая орден, чтобы прислали сюда братьев для наведения порядка. Дрейк, ты остаёшься с остальными за старшего, чтобы вычистил всех, кто был замешан в преступлениях против короля!

– Да, брат! – ответил паладин, склонив голову.

– Пусть горожане позаботятся о детях, которые из-за всеобщего молчания умирают от голода, – попросил я у графа, на что он согласно кивнул.

– Я оставлю им денег, но проследи, пожалуйста, чтобы их не отняли у ребятишек и поселили их в каком-нибудь доме, – попросил я у Дрейка.

Он снова кивнул, получив подтверждение от графа.

– Всё, тогда в гостиницу! – приказал тот, оглядевшись по сторонам. – Мы с Максимильяном выдвинемcя утром, так что нам всем нужен отдых.

Отряд мигом собрался и двинулся к постоялому двору. Сотни глаз провожали нас взглядами, хотя на улице было пусто. Мы затылками чувствовали, как много людей на нас сейчас смотрит.

Хозяин гостиницы, когда мы приехали, казалось, летал вместе со своими слугами, пытаясь упредить любое наше желание. На столе мгновенно стали появляться горячие закуски и вино, да такое, что паладины кричали от удовольствия, ехидно переглядываясь. Сам хозяин неотступно был у стола, спрашивая, чем ещё он может помочь доблестным рыцарям церкви. После его

недавнего поведения, когда он пытался всучить им откровенное дерьмо вместо еды, подобная предупредительность была смешна и нелепа, но все принимали её как данность, ведь он уже наверняка знал, что произошло на площади.

Когда мы насытились и пошли отдыхать, граф приказал хозяину гостиницы собрать в дорогу продуктов на двоих человек, а также подготовить лошадей. Тот радостно и быстро подтвердил, что всё будет сделано в лучшем виде.

* * *

Утром, перед отъездом, я наведалься в тот проулок, в котором узнал о происходившем в городе, и встретил там двух детей. Оставил им двадцать серебряных монет и распорядился обратиться к паладину Дрейку, когда в город начнут прибывать священники или паладины. Дети всё запомнили и несколько раз повторили сообщение, заучивая его.

Со спокойной совестью я вернулся в гостиницу, где меня ждал готовый к отъезду граф и моя осёдланная лошадь.

– Готов? – Он снова был чист, свеж и не пахнул гарью, словно этой ночью ничего не случилось.

– Возвращаемся в столицу? – Я сел на лошадь и тронул поводья. – Точно не поедем по третьему делу?

– То, что мы сделали вчера, превышала сделанное за всю поездку, – спокойно ответил он. – Если бы мы сняли и наказали только главу, после отъезда всё началось бы заново, так что один город, вернувшийся к праведной жизни, стоит ещё одной разоблачённой ведьмы или убийцы.

«Да уж, не завидую я этому месту, после того как сюда нахлынут паладины и начнут наводить порядок, – покачал я головой, поглядывая назад, на оставляемый за спиной город, – но меня это не должно волновать, я не за этим присоединился к ордену».

– Может быть, вы наконец расскажете мне, как можно бороться с магами? – спросил я у графа, когда мы покинули город и бок о бок поехали по дороге.

Он покосился на меня и тихо ответил:

– Вера, Максимильтян, тебе нужна только вера.

– Да какая вера, в кого?! – взбесился я, поняв, что меня надули и никакого супероружия у инквизиции нет. – Вы меня просто использовали!! Я только потерял время на эти поездки!! Хотя мог направиться сразу в Стикс!!

– Ты не понимаешь. – Граф огорчился и неожиданно остановился, слез с лошади. – Нападай на меня!

Я был так разгневан его ответом, что, не думая, сразу слетел с лошади и без подготовки напал на него, делая быстрый и точный укол в ногу.

Граф не пошевелился, не достал оружия, но наконечник моего копья упёрся в золотистый кокон, который появился из ниоткуда и укрыл его с ног до головы. Я сначала надавил, потом ударил сильнее, но всё было бесполезно, я сразу вспомнил ту битву, когда уничтожил отряд паладинов. Сколько сил и присутствие шамана потребовалось, чтобы их победить, притом что их оставалось только пятеро из всего отряда!

Злость ушла так же, как нахлынула, и я молча вернул копье на место. Душу охватило отчаяние. Я не верил в их Бога, поэтому смысла в способностях, которые мне продемонстрировал паладин, лично для меня не было. Я не смогу повторить их.

– Максимильтян, прости, – на плечо мне легла рука в кольчужной перчатке, – это было не моё решение, но, прежде чем тебе помогать, нам нужно было понять, кто ты, что собой представляешь.

– Граф, всё без толку. – Я тяжело взмахнул рукой, не поворачиваясь к нему. – Я не смогу научиться тому, во что не верю, и злюсь больше на то, что вы сразу мне об этом не сказали.

– Вильям, – паладин вздохнул, – зови меня Вильям, я разрешаю.

Я удивился, не все паладины отзывались, когда я окликал их по имени, только Дрейк реагировал, но остальные старательно делали вид, что я обращаюсь не к ним. Разгадка оказалась простой, каждый сам принимал решение, открывать своё имя постороннему или нет. Хотя в отряде между собой они все называли друг друга по именам.

– Пойми, Максимильтян, – продолжил граф, – даже это знание является секретом, так что вручать тебе его тоже нужно с осторожностью, вера позволяет нам делать многое, что недоступно простому человеку, но использование навыков тоже не проходит для нас бесследно.

– Да? – Я повернулся к нему лицом. – Можешь рассказать? Мне бы побольше информации, если уж я не могу этим владеть. Может, как-то подстрою своё оружие или попробую использовать другой план.

– Давай на привале. – Он вернулся на лошадь. – Мы от города-то отъехали всего чуть, а дорога нам предстоит длинная.

* * *

Смогли мы поговорить только вечером, когда устроились под огромным деревом, сухие ветки которого использовали для костра. Весь день мы ехали молча, каждый был погружён в собственные мысли. Я раздумывал, не поехать ли мне своей дорогой, поскольку возвращение в столицу мне было не нужно, можно отправиться в ближайший портовый город и оттуда найти корабль дальше на запад. Как я слышал, дорога к землям другого континента более безопасна, если такое вообще применимо к миру, где нет никаких гарантий для жизни и свободы. Можно нанять корабль из Вольных островов, как сами себя называли их обитатели, а вот другие давали им более правильное название – пираты. Они охотно брали людей на борт, доставляя за деньги с нашего материка на свои острова, но вот после поездки с некоторыми из них больше путешественника или купца никто не видел. Поэтому мне, кроме разборок с паладинами, нужно выяснить, кому из пиратов можно доверять, а с кем плыть категорически не стоило.

– Все паладины проходят длительное обучение. Чаще всего их забирают из семей или подбирают на улице ещё в раннем возрасте, – начал граф, когда мы насытились и, собрав запас хвороста на ночь, улеглись на спальные мешки.

– Кроме обучения военному делу, фехтованию, езде верхом, большую часть времени детей обучают Слову Божьему и правильности поведения. Ты редко когда встретишь паладина, который поставит свои потребности выше церкви или людей, хотя паршивые овцы изредка встречаются. – Тут граф замолчал, словно вспомнил такие случаи, заново их переживая.

Я не стал ничего говорить, давая ему время, и оказался прав, он вскоре продолжил:

– После случая с ведьмой, когда ты, не раздумывая, бросился спасти одного из нас, хотя твой кинжал, которым ты его вылечил, явно находится за пределами разрешённого церковью оружия. Все это увидели и поняли, что тебе было важно спасение жизни человека, а не то, как это тебя потом затронет. Да и твоё поведение в целом, как ты противостоял ведьме, не позволяя себя соблазнить, тоже говорит о том, что твои чувства к жене не являются пустым звуком. Три дня сопротивляться магии, это чего-то да стоит. Ведьме пришлось так напрягаться из-за тебя, что её колдовство почувствовали все из нас, хотя при первой встрече она очень умело скрывала свои способности.

Он снова замолчал.

– Не знаю, нужно тебе это или нет, но я порекомендую главе ордена твоё обучение. – Его слова упали, словно камни, тяжело и полновесно.

– Вильям, я не верю в Бога, что мне даст ваше обучение?

– Подумай о том, что если оно, возможно, что-то тебе даст, а ты из-за своего неверия и гордыни отказался воспользоваться такой возможностью?

В его словах было очень много резона, сегодня я ещё раз смог убедиться, что моё оружие может оказаться бесполезным не только против созданных магами големов, но и паладинов.

«Как мне сейчас не хватает Загияла, – тяжело вздохнул я, – не отказался бы от его совета».

К сожалению, великий шаман на пару с неугомонным орком давно ушли от меня, отправившись на поиски приключений, так что решение нужно было принимать в одиночестве.

– Сколько нужно времени, чтобы постичь основы? Мне не нужно военное дело, только изучение всего, что касается силы паладинов и того, откуда она появляется.

– Годы, Максимильтян, многие годы, – ответил граф. – Моя сила появилась тогда, когда мне грозила смертельная опасность, до этого я так же, как ты, считал, что занимаюсь ерундой и трачу своё время напрасно.

– Ого?! – Признание было поразительным. – И тогда ты поверил в Бога?

– Верно, тогда в моём сердце поселился Господь и душа перестала метаться в потёмках.

– Да уж, выбор у меня теперь просто роскошный, – с иронией произнёс я, – отправиться к магам, зная, что нет способа их победить, рассчитывая только на скрытное проникновение, или начать верить в Бога со слабым шансом овладеть силой паладинов.

– По крайней мере, это больше, чем то, с чем ты приехал в столицу, – справедливо заметил граф.

– И ведь не поспоришь с тобой. – Покачав головой, я поворочался, стараясь устроиться поудобнее. Хотя в отличие от паладина я положил свой спальный мешок не на голую землю, а на охапку свежескошенной травы, всё равно спать было не совсем комфортно. Как бывало и после всех ночёвок у костра, под утро, одна часть тела обязательно замерзала сильнее, чем та, которой ты был повернут к костру.

Глава 3

Новичок

Дети от пяти лет и юноши в возрасте до восемнадцати в остолбенении смотрели на меня и настоятеля монастыря, когда мы вошли в общую столовую, где подопечные сидели за рядами столов. Попросив минуту тишины настоятель, представил меня:

– Ваш новый товарищ, Максимильтян. Надеюсь, вы подружитесь.

Затем незаметно подмигнул мне и, улыбнувшись в бороду, быстренько слинял. Он сам был в недоумении, когда граф привёз босого меня, одетого в одну холщовую робу, и так же представил, как ищущего слово Божье. Настоятель был категорически против, говоря, что я слишком стар для этого, на что паладин показал ему письмо от главы ордена и произнёс слово «надо», так что тому пришлось смириться и подчиниться. Поэтому, представив меня своим юным воспитанникам, он получил свой заряд бодрости, увидев их остолбенение.

Под всеобщими взглядами, в которых было больше любопытства и недоумения, чем недовольства, я подошёл к раздаточному столу, получил кусок хлеба, тарелку чечевичной каши и стакан молока, затем сел на ближайшее свободное место, рядом с пятилетками. С другого стола, где сидели взрослые подростки, раздалось фырканье, которое сразу же прервалось спокойной речью повара, стоявшего на раздаче:

– Гнем, Вирт – сегодня вы дежурные на кухне.

– Да, наставник. – Эти же голоса, только сильно разочарованные, раздались с того же места, откуда недавно прозвучали смешки.

«На этой еде я долго не проживу, – вздохнул я, осматривая свой нехитрый обед, – и что меня заставило поддаться на уговоры графа?»

Приехав в столицу, граф развил бурную активность, пока я находился в раздумьях и не успел даже толком встретиться и поговорить с герцогом, а также принять купцов, которые толпой ждали меня у моего дома, едва прослышав о моём возвращении. Через три дня он появился на пороге моего дома, заставил снять с себя всё и переодеться в принесённую им робу. Затем увёз меня за город, причём последний день пути я проделал с мешком на голове, болтаясь в седле, поскольку он сказал, что монастыри, где воспитывают

будущих паладинов, не то место, о котором следует знать посторонним. Поскольку мне было скучно ехать, ничего не видя и не понимая, я расспрашивал его о жизни в монастыре, а также о том, что мне конкретно там нужно делать. В ответ он охотно рассказывал мне о быте, но ни слова не сказал о том, что мне там предстоит, лишь туманно намекнув, что брат Антоний отдал чёткие указания Наместнику, так что мне нужно просто смириться.

– Максимильян, пошли, – отвлекая меня от мыслей о странностях судьбы, ко мне обратился маленький мальчик, сидящий рядом, – иначе наставники будут недовольны.

Стараясь не улыбаться, поскольку остаться серьёзным, когда с тобой на равных пытается разговаривать кроха, не достающий тебе даже до пояса, я поднялся и зашагал за всеми. Вышли мы на атриум монастыря, и я смог наконец разглядеть его хотя бы изнутри, поскольку мешок с меня сняли, только когда мы въехали внутрь. Серые, потемневшие камни, обвитые зелёным плющом, венчали стены, окружавшие донжон монастыря, который раньше был замком. Это было заметно по форме строений, а также по укреплениям и башням. Из атриума были видны также три этажа и коридоры, по которым проходили редкие священники. Похоже, комнаты здесь приличные, поскольку помещений достаточно много.

– Братья, сегодня у нас новый ученик, поэтому, как бывает обычно, мы выявим его силу, чтобы понять, в какой группе он будет заниматься.

Неожиданно на площадке появился седоусый монах, показывая на меня рукой, он велел подойти – мне пришлось подчиниться.

Совершенно не обращая внимания на то, что я на двадцать лет старше самого маленького воспитанника, он предложил мне выбрать оружие и вызвал на бой со мной именно его. Ситуация стала меня раздражать, ведь я сказал графу, что обучаться воинскому искусству не буду, а тут такая подстава. Только сделав с десяток глубоких вдохов и выдохов, я успокоился и вспомнил пословицу, которая сейчас была актуальна, как никогда, про «чужой монастырь и свои правила». Это позволило мне взять со стенда длинную палку и встать напротив ребёнка, который выбрал деревянный меч.

– Начали!

Едва заметное движение лёгкой палкой, которая была в три раза легче моего копья, и ребёнок, стискивая кулаки, чтобы не разрыдаться, ушёл за выбитой из рук деревяшкой.

- Следующий! - приказал наставник, вызывая воспитанника постарше.

Я не двинулся с места, не шевельнулся, лишь кистью проделал то же самое и с ним.

- Следующий!

Когда очередь дошла до старших ребят, они всерьёз восприняли меня и взяли в руки такие же длинные палки, но результат был всё тот же, не двигаясь и не шевелясь, я одной кистью доставал до их рук и бил по кисти, заставляя ронять оружие.

- Моя очередь. - Монах-наставник подошёл к стойке и взял двуручный меч, прикидывая размеры моей палки, затем приблизился и встал напротив меня.

Я видел, куда он может ударить, и легко наклонял палку, прикрывая те места, на которые указывали движения его мышц, хотя сам он при этом не шевелился. Его взгляд был направлен за меня, так что приходилось ориентироваться именно на эти мускульные сокращения, которые были хорошо видны под робой. Если бы он был в доспехах, пришлось бы драться всерьёз, но сейчас я мог угадывать его движения, ещё когда они были в стадии подготовки.

- Принимаю поражение, - внезапно сказал он и, поклонившись мне, пошёл возвращать меч на стойку.

Я не был удивлён, в отличие от всех остальных, которые, видимо, ждали жаркой и яростной стычки между нами. Поняли произошедшее только я и мой противник: я оценил то, что когда-то он был отличным мечником, к тому же ясно понимающим силу противника, а он - то, что я, находясь на пике своей формы, не по силам ему.

- С сегодняшнего дня брат Максимилиан освобождается от физических занятий и волен распоряжаться этим временем по собственному усмотрению, - во

всеуслышание заявил он, вернувшись назад.

В ответ была тишина, поскольку его подопечные всё ещё не понимали, что сейчас произошло.

«Хитрец, – до меня только сейчас дошло, зачем он это сделал, – если бы меня просто освободили от физической подготовки, дети бы не поняли такой шаг своих наставников, проповедавших об их равенстве, а сейчас, когда им продемонстрировали, насколько я силен, вопросов об этом не могло быть в принципе».

– Вы свободны, брат. – Наставник обратился ко мне и пошёл разбивать группы детей по способностям, которые, видимо, были определены ранее, так же как мои.

Поскольку идти было некуда, ведь мне ещё не показали мою келью, я остался, следя за занятиями ребят. Вначале они много бегали и выполняли физические упражнения, затем им показали удар, который воспитанники начали отрабатывать. Я, конечно, был небольшим знатоком-мечником, но его многие, особенно младшие дети, наносили неверно. Посмотрев на это безобразие пять минут, я не вытерпел и подошёл к ближайшему.

– Ты неправильно держишь руки и переносишь корпус. – Я взял меч из его рук и показал ошеломлённому мальчишке, как нужно правильно бить. Затем посмотрел, как малец повторил, поправил ему стойку и пошёл к следующему, который словно молотил бревном по воде.

Начав с детей, я вскоре обошёл тех, кто вообще делал удар совершенно неверно, и остановился возле старшей группы, никто мне и слова не сказал о том, что я помогаю, а их наставник ни разу не глянул на меня за всё это время.

– Не старайся. – Мне не нравилось, с какой яростью парнишка наносил удар, возникало чувство, что перед ним враг, которого он решил убить.

Воспитанник остановился и удивлённо на меня посмотрел.

– Почему? Разве это плохо?

– Ты слишком азартен, гнев овладел тобой. – Я покачал головой. – Чем больше ты стараешься, тем заметнее у тебя не получается из-за того, что ты злишься. Просто сядь, успокойся и начни сначала.

– Но... – Он беспомощно взглянул на наставника, который сейчас смотрел на нас, стоя неподалёку. Тот пожал плечами, предоставляя ему выбор.

Парень сначала сделал несколько движений в том же стиле, но едва я отошёл от него, как он со злостью опустился на землю и сидел неподвижно несколько минут, затем встал, снова взял деревянный меч в руки, и в этот раз у него получалось значительно лучше.

– Брат! Брат Максимильтян! – Ко мне подошёл маленький мальчик. – Я хочу так же, как ты, бить копьём. Покажешь мне свой приём, а то Гарри постоянно надо мной издевается, выбивая меч из рук.

Я тяжело вздохнул, оказавшись втянутым в местные мальчишечьи разборки, ведь я в монастырь приехал не за этим! Хотел сначала отшить его, но решил, что раз начал помогать, то бросать дело на полпути явно не стоило.

– Хорошо, только можно и мечом это делать, необязательно на копье переучиваться.

– Хочу! Покажи мне! – Мальчонка требовательно схватил меня за руку.

В конце занятий, когда он, раздувшись от важности, вызвал своего недруга на поединок и выбил из его руки оружие, я понял, что попал. Десятки заблестевших детских глаз, направленных на меня, показали, что ближайшее время я буду очень занят. На моё счастье, занятие закончилось, и нас развели по кабинетам, где детям преподавали разные предметы, меня же отвели к ещё одному пожилому паладину, который вручил мне книгу и велел прочитать её всю. Открыв её, я увидел, что это книга Единого, та, по которой многие священники ведут свои проповеди, в ней содержались заповеди и деяния Господа.

* * *

Месяц спустя

– Что думаешь о новеньком, брат Гнат? – Глава монастыря собрал у себя в кабинете трёх паладинов-наставников.

Седоусый пригладил свою пышную растительность, задумался и ответил очень обстоятельно, тщательно выговаривая каждое слово:

– Вы знаете, я был против подобных экспериментов. Нельзя зрелого воина переучить или заставить переосмыслить свою жизнь, только детей можно повести с самого начала путем, ведущим к Богу.

– Но?.. – Наставник хитро прищурился.

– Но, если человек всю жизнь живёт с правильными мыслями и делами, он не потерян для Бога и Ордена, – словно сам себе не веря, ответил седоусый.

– Брат Ивор?

– Несмотря на то что с этим еретиком мне пришлось слишком часто общаться, – слова наставника Слова Божьего вызвали усмешки у всех присутствующих, – и доводил меня он до белого каления, как никто за всю мою долгую жизнь, но и я вынужден признать, что его либо нужно сейчас же сжечь на костре, чтобы не забивал нашим чадам голову своей ересью, либо допустить до тренировок. Таких людей я не встречал на своём пути, вынужден признать.

– Брат Дар?

– Я тоже за то, чтобы его сжечь, – усмехнулся наставник, отвечающий за образование детей, – если он пробудет в нашем монастыре хотя бы год, то боюсь, что наши воспитанники с криками «Бога нет!» повесят нас на воротах монастыря и разбегутся кто куда.

Все тут же сделали знак Единого, отгоняя дурные мысли.

– Но? – Главный наставник откровенно смеялся, прошедший месяц внёс в их тихую и размеренную жизнь столько сумбура и неожиданных поступков, что хотелось избавиться от возмутителя спокойствия как можно быстрее. Дети сразу потянулись к новенькому, а обладая недюжинными способностями не только в

фехтовании, но и ораторском искусстве, он быстро заставил всех наставников бледнеть, краснеть и отвечать на неудобные вопросы, которые новый брат задавал во множестве. Одно его утверждение, что их мир круглый и вращается вокруг какой-то звезды, повергало в шок многих, а его доводы, которые легко проверялись на практике, вынуждали наставников гореть тихой ненавистью, поскольку переспорить его или привести свои контраргументы, которые могли быть так же проверенными здесь и сейчас, они не могли.

– Лучше допустить его до тренировок и затем как можно быстрее избавиться, пока то, что я описал, с нами не случилось, – зло ответил брат Дар и сел на место, при этом тихо пробурчав: – Но лучше всё же сжечь.

– Таким образом, все здесь согласны, что брата Максимиляна можно допустить к тренировкам, а также уведомить об этом главу ордена. – Главный наставник монастыря подвёл итог совещания.

– Попросите всё же у брата Антония разрешение сжечь еретика, – ухмыльнулся брат Ивор. – Мне неизвестны причины благоволения ордена к подобным людям, но они опасны для нас и неграмотной бедноты своим духом. Воспользовавшись засухой или голодом, он поднимет массы на восстание, я встречался с похожими людьми, которые могли задурить голову любому.

– Хорошо, упомяну об этом в своём письме, а пока давайте решим, кто откроет ему путь паладина?

Все наставники тут же стали отводить взгляды, и главный наставник понял, что этим «кем-то» придётся стать ему.

– Что же, так тому и быть, пришлите ко мне брата Максимиляна сразу после вечерни.

Паладины тут же засобирались на выход, пока глава монастыря не передумал, никому из них не хотелось быть наставником у такого подопечного, у них и своих забот хватало.

* * *

Вечером меня вызвали к настоятелю. Если честно, то от безделья я не знал, чем себя занять, вот и сцеплялся с паладинами-учителями по поводу и без. Смешно было наблюдать, как эти мудрые мужи бесятся, не понимая сути некоторых явлений, причём я показывал на очевидных примерах, что они не правы в своих суждениях. Этот месяц в монастыре мне совершенно ничего не дал, поскольку я выполнял тупую и рутинную работу, которую мне давали, ни на шаг не приближаясь к разгадке таинств ордена паладинов.

- Максимильтян!

Дверь в большой кабинет закрылась, и мы остались одни. В комнате было очень много книг, так много, что какой-нибудь ребёнок мог здесь запросто потеряться. Горевшие свечи не давали много света, зато жутко коптели, оставляя мало свежего воздуха.

- Настоятель, - чуть склонил голову я, из уважения к его сединам.

- Мы решили допустить тебя к тренировкам, так что следуй за мной, месяц ты проведёшь в одиночной келье.

- Каким тренировкам, настоятель? - осторожно спросил я, не совсем понимая его слова.

- Тем, ради которых ты сюда и прибыл, - желчно отозвался он, - не за тем же, чтобы изводить нас.

- Круто! - Я не ожидал подобного поворота, поэтому вскочил на ноги, приготовившись следовать за паладином.

- Не торопись, тебе нужно сначала узнать несколько правил поведения в келье. - Он не шелохнулся, с усмешкой посмотрев на меня, так что пришлось сесть.

- Хочу, чтобы ты сразу понял, что выйти оттуда до срока тебе не удастся, это не комната в прямом смысле слова, а каменный мешок, куда тебе будут два раза в день опускать еду. Там тебя ждёт абсолютное одиночество и тишина. Ты уверен, что готов к такому испытанию?

– А в чём тогда заключается суть подобной тренировки? – не понял я.

– Ты поймёшь, пробыв там достаточно долго, – уклончиво ответил он.

– То есть мне, по сути, всего лишь надо побыть там некоторое время? – Я всё никак не мог уразуметь, что от меня требуется.

– Верно, – кивнул настоятель.

– Хорошо, тогда давайте начнём быстрее, у меня не так много времени, чтобы впустую его тратить.

Прошедший месяц в монастыре я считал бесцельно потраченным, ибо выполняя ту же работу, что и все, ведя тот же образ жизни, кроме внутреннего раздражения, ничего более не испытывал.

– Максимильян, – настоятель тяжело на меня посмотрел, – я не знаю причин, по которым ты оказался у нас, но имей терпение, никто до тебя не получал доступа к сокровенному так быстро, сумей это ценить!

– Мастер, – после его слов я частично взял себя в руки, – моя жена и ребёнок в большой опасности, и единственный способ их спасти находится в руках ордена, так что, как вы думаете, насколько я готов ждать танцев вокруг да около?

Он задержал на мне взгляд и понял, что я не вру и не шучу.

– Следуй за мной! – Настоятель поднялся и пошёл к задней двери своей комнаты, не той, через которую я к нему вошёл.

Мы вышли в глухой коридор и пошли по нему. Было видно, что им редко пользовались: пыль, паутина и общее запустение говорили об этом лучше всяких слов. Вскоре коридор перешёл в винтовые ступеньки, ведущие вниз, и вынув факел из одного из держателей, настоятель стал аккуратно спускаться, подсвечивая нам дорогу. На моё удивление, путь вниз занял значительное время, так что я даже сбился со счёта, стараясь определить количество ступеней, которые мы миновали. Пытаясь вспомнить, на какой тысяче сбился, я едва не уткнулся носом в спину паладина, который резко остановился, затем

проделал какие-то манипуляции и, нагнувшись, сдвинул люк у себя под ногами.

– Спускайся. – Он повернулся ко мне, осветив факелом дырку в полу и крик, к которому был привязан канат.

Мне стало страшновато, едва представил, что проведу в этом застенке месяц.

– Боишься? – Он удовлетворённо кивнул головой. – наших воспитанников годами готовят к этому испытанию, уверен, что осилишь его.

Я покачал головой, но тем не менее молча подошёл и, ухватив канат с узлами, стал быстро спускаться вниз, в кромешную темноту. Судя по длине верёвки, высота от пола комнаты до люка была метров пять, так что без посторонней помощи мне отсюда не выбраться, если бы я вдруг захотел. К тому же едва я выпустил из рук канат, как настоятель тут же его поднял, следом за этим с грохотом захлопнул люк, отрезав меня от единственного источника света – так я остался один. Через минуту я услышал его удаляющиеся шаги, а ещё через пять на меня навалилась тишина, да такая, что я сначала подумал, будто полностью оглох, так непривычно было это чувствовать. Дабы убедиться, что со слухом ничего не произошло, я временами хлопал в ладоши, убеждая себя, что всё хорошо.

Глаза мои вскоре привыкли к кромешной темноте, и я смог разглядеть очертания контуров комнаты, а также деревянную кровать, стоявшую в углу. Полазив на четвереньках, я ощупал её и всё остальное, убедившись, что ближайшее время мне, кроме всего прочего, придётся ходить в горшок, который тут наличествовал, а затем, пока его не заберут, ощущать запахи, которые из него будут исходить.

– Что же. – Я едва узнал свой голос, прозвучавший в полной тишине оглушающе громко. – Пожалуй, пора придумать, как не сойти тут с ума.

Для начала я решил спланировать весь день, чтобы не тупо валяться на кровати, а быть всё время чем-то занятым. Можно ориентироваться на то, когда мне будут приносить еду, разделив день на три части. Утром, до приёма пищи, заниматься физическими упражнениями, после чего поесть и немного отдохнуть, затем повспоминать всё то, что я знал, после чего снова тренировка и приём пищи. Я уже попадал однажды в похожую ситуацию, когда казалось, что

из пещеры не смогу выбраться, но стоило поверить в себя, в свои силы и заняться делом, как вскоре я повстречал кобольдов и выход нашёл на поверхность – это был хороший жизненный урок, и следовало просто его повторить.

* * *

Утром я проснулся, заставил себя встать, выбить соломенный матрас, чтобы он был без комков, и сделать зарядку. Затем металлической крышкой ночного горшка выскреб на стене рядом с кроватью палочку проведённого здесь дня. По давнему пребыванию в пещере я помнил, как важно знать, сколько нахожусь в этом месте. Затем изучил досконально размеры своей кельи, а также постарался запомнить, сколько шагов до каждого из предметов в ней, чтобы потом спокойно передвигаться, не обращая внимания на кромешную темень.

Набив синяки и шишки, я остановился только тогда, когда сверху раздался шум шагов, затем лязг люка, и мне спустили корзинку на тонкой бечёвке. Я бросился к ней, так как живот давно отчаянно сообщал о том, что его пора кормить. При бликах факела, который светил сверху, я увидел только графин воды, хлеб, головку сыра и пару яблок – слишком мало для моей привычной трапезы. Поскольку выбора не было, я опустошил корзину, которая не спешила подниматься вверх.

«Горшок! – догадался я, аккуратно положил еду на кровать и, достав горшок, поставил его в корзину». Её подняли и вскоре вернули обратно.

Я заметил, что бечёвка, на которой проделывали все манипуляции, такая тонкая, что не выдержит веса человека, а это значило, что моё пребывание здесь затянется настолько, насколько это нужно будет паладинам. Если решат сгноить меня здесь навсегда, то я ничего не смогу с этим поделать.

«Яблоки нужно растянуть надолго», – решил я, разрывая их руками на четыре части, чтобы хватило подольше, еда в виде хлеба, сыра и воды несколько меня не порадовала, организм требовал мяса и разнообразия.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/dmitriy-raspopov/master-klinkov-klinok-zatochen>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)